

АНАТОЛИЙ АБРАШКИН

АРИЙСКИЕ КОРНИ РУСИ

4-е
издание

Анатолий Александрович Абрашкин
Арийские корни Руси. Предки
русских в Древнем мире
Серия «Запрещенная Русь»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7387660

Арийские корни Руси. Предки русских в Древнем мире / Анатолий Абрашкин.: Яуза-пресс; Москва ;

2015

ISBN 978-5-699-82774-9

Аннотация

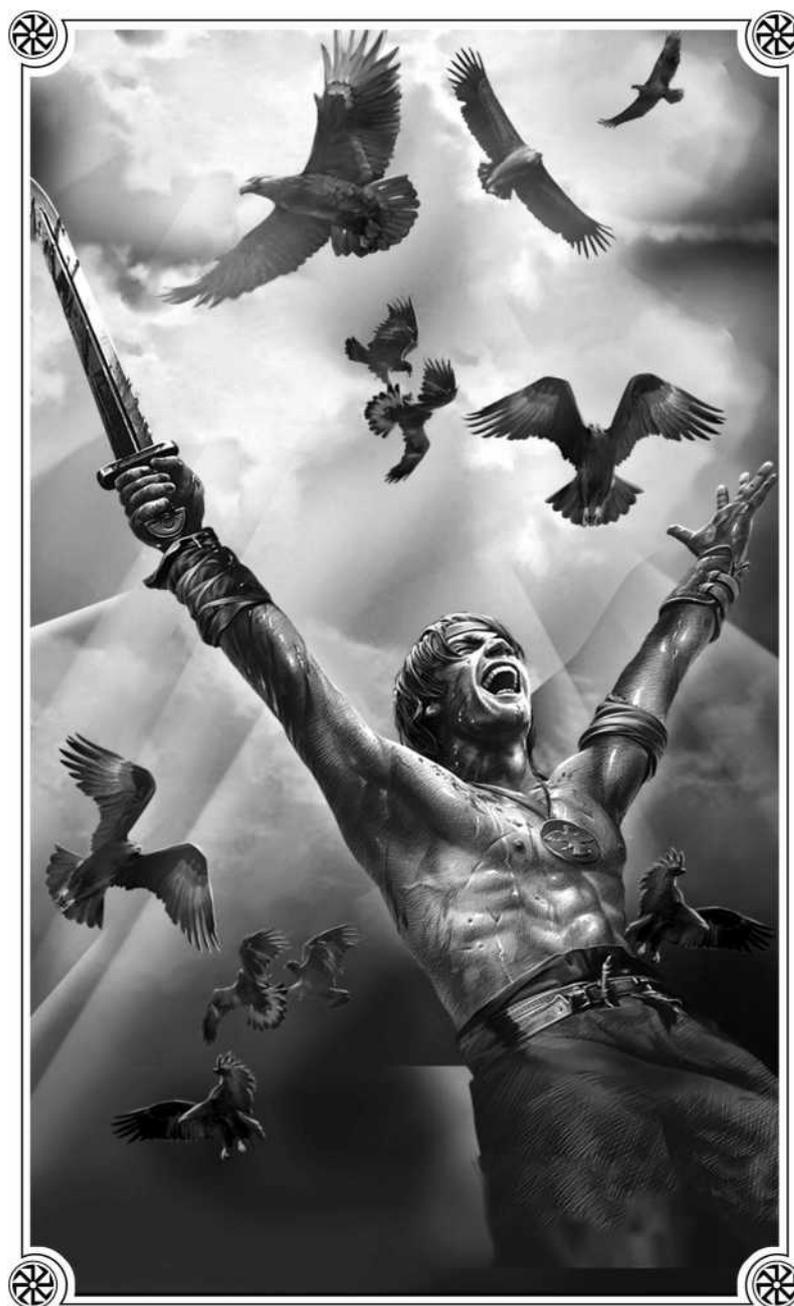
Эта книга перевернет все ваши представления о прошлом. Это – радикальный пересмотр места и роли русской нации в историческом процессе. Это – подлинная предыстория Руси.

Автор возводит этноним «русы» («росы») к имени исполнителей религиозных гимнов в арийской традиции, прослеживая происхождение русского народа с момента выделения ариев из среды индоевропейских племен в V–IV тысячелетиях до н. э. и вписывая древнерусскую историю в контекст общемирового развития, начиная с эпохи Шумера и Древнего Египта.

В книге подробно рассмотрены родословные русских богов (Бабы-Яги, Ярилы, Коляды, Ивана, Марьи и др.) и мифологические параллели, обозначавшие маршруты расселения ариев, а также многие спорные вопросы образования Русского государства, предыстории Киевской и Азовской Руси, хазарской проблемы и пресловутой «норманнской теории».

Содержание

От автора	5
Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	44
Глава 6	53
Глава 7	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Анатолий Абрашкин Арийские корни Руси. Предки русских в Древнем мире

*О России петь – что стремиться в храм
По лесным горам, полевым коврам...
О России петь – что весну встречать,
Что невесту ждать, что утешить мать...
О России петь – что тоску забыть,
Что Любовь любить, что бессмертным
быть.*

И. Северянин. Записка

От автора

Название данной книги требует некоторых пояснений. Поскольку в центре рассмотрения будет история языческой (или дохристианской) Руси, то понятие «Древний мир» в нашем исследовании имеет более широкое, нежели принятое, толкование и вмещает в себя время до X века включительно.

Другое важное уточнение касается использования в названии книги прозвища «русские». Этноним «росы» («русы») мы возводим к имени исполнителей религиозных гимнов у древних ариев (понятие «ṛsi» в Ведах). Согласно нашей концепции, русские – это потомки ариев, следующие их духовным заветам, и начинать изложение древнерусской истории следует с момента выделения ариев из среды других индоевропейских народов приблизительно в V–IV тыс. до н. э. Сколько-нибудь полная история ариев еще не написана, а относительно их самих известно весьма ограниченное число фактов. Так, считается общепризнанным, что арийская общность сформировалась где-то на просторах Русской равнины, а впоследствии ряд арийских племен мигрировал в Северную Месопотамию, Индию и Иран. Но все ли арии покинули землю своей прародины, и ограничились ли пути их миграций только этими тремя «направлениями»? Поиску ответов на эти и связанные с ними вопросы, собственно, и посвящена предлагаемая книга.

В первой ее части рассматриваются родословные исконно русских богов и указываются земли и народы, среди которых укоренились эти божества. Найденные мифологические параллели «пунктиром» обозначают маршруты следования древних русов (ариев), и ведут они, как оказывается, не только на юг и юго-восток, но и на запад – в Европу, и на юго-запад – в страны Средиземноморья. Во второй части книги существование такого рода миграций подтверждается на основании анализа исторических источников. И, наконец, в последней, третьей части подробно изучена предыстория образования Киевской Руси – как потомки некогда покинувших свою прародину ариев возвращались в родные «пенаты». Автором впервые предпринята попытка рассмотреть историю русов как отдельной и от славян, и от других индоевропейцев «семьи» племен. Такой взгляд позволяет, во-первых, встроить древнерусскую историю в рамки общемирового исторического процесса, начиная со времени существования цивилизаций Египта и Шумера, а во-вторых, по-новому осветить спорные вопросы образования Русского государства (в частности, норманнскую проблему и вопрос об Азовской Руси).

Часть I

Дорогами русских богов

Моему сыну Дмитрию

Глава 1

О метаистории, русском духе и перевозчике Кие

А слово корабль, заметьте, произвожу я от короба, а короб от коробить, а коробить от горбить, а горб от горы; какие-то подкидыши-этимологи производят корабль от какого-то греческого слова, которого я не знаю, да и знать не хочу, но это напраслина, это ложь, это клевета, выдуманная каким-нибудь продавцом грецких орехов...

А.А. Бестужев-Марлинский

Первые, признаваемые за достоверные, исторические сообщения о росах (русах) принадлежат писателям раннего Средневековья. Готский историк VI в. Иордан засвидетельствовал, что уже в середине IV в. в Причерноморье жили росомоны. В готской среде слово «росомоны» (вариант «росоманы») означало «люди рос». Современный Иордану сирийский автор указал на существование «народа рос» северо-западнее Азовского моря, в районе Среднего Поднепровья. Именно в эту область согласно «Повести временных лет» в VI–VII вв. переселилось со своей дунайской прародины славянское племя полян. Вместе с обитавшими здесь росами они составили ядро будущего государства и стали впоследствии прозываться русью.

Авторы VI–X вв. и наши летописцы не смешивали росов и славян. Если волна переселений с берегов Дуная была чисто славянской, то следующая, накатившая в IX веке с берегов Балтики, была уже по преимуществу русской. Варяги-русь, или балтийские русы, не только осваивали новые земли и не только выполняли, если верить легенде, волю призвавших их племен. Они объединились с потомками причерноморских росомонов, своими кровными братьями. Но как, когда и где раскололся некогда единый этнос?

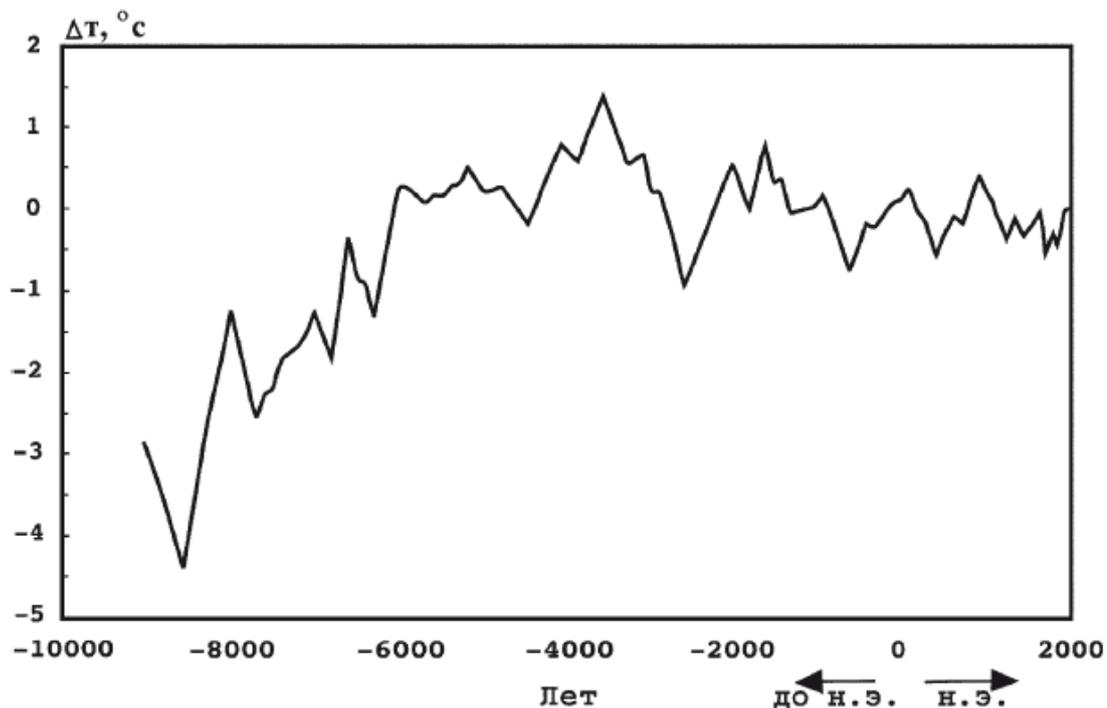
Русы Средневековья предстают сильным и хорошо организованным народом. Византийские писатели упоминают об их неоднократных нападениях на Константинополь, в жестоком противостоянии росы одолевают Хазарский каганат. Арабы знают их как смелых и предприимчивых торговцев, а славянские и угро-финские племена – как последовательных строителей многонационального государства. Опыт таких народов копится не веками, а тысячелетиями. Очевидно, упоминания о прямых предках русских встречаются и в сочинениях античных авторов, и в мифах других народов, но выведены они там под другими именами.

Григорий Климов в автобиографической книге «Песнь победителя» написал: «В оккупированной Германии все как один русские солдаты и офицеры неожиданно стали употреблять слово «Россия». Это получилось автоматически. Иногда мы по привычке говорили – СССР, затем поправляемся – Россия. Нам это самим странно, но это факт». И факт впечатляющий. Нашим воинам чудесным образом открылось, что название их Отечества должно звучать так же, как много веков назад, что СССР – лишь искусственно составленная аббревиатура, а слово «Россия» включает в себе какую-то незримую силу. Можно представить, как удивились бы они, если бы кто-нибудь стал всерьез доказывать им, будто имя их державы

заимствовано, например, у скандинавов. Нет, корни нашего родового имени, безусловно, русские, только, чтобы отыскать и указать их, надо действительно заглянуть и в отдаленные земли, и в далекие времена.

О древности русского народа писали многие авторы, начиная с летописца Нестора. Наш знаменитый историк Василий Никитич Татищев (1686–1750), ссылаясь на древних авторов, сообщал, что ранее русские и славяне жили в Сирии и Финикии, где по соседству могли свободно иметь еврейское, египетское или халдейское письмо. Перейдя оттуда, они обитали в Пафлагонии (область в Малой Азии на южном берегу Черного моря), а во время, приблизительно соответствующее Троянской войне, переправились в Европу. Другой наш выдающийся соотечественник – Александр Дмитриевич Чертков (1789–1853), уникально образованный человек, знаток древних языков, обладатель одного из самых дорогих в России собраний книжных, рукописных и нумизматических редкостей, в цикле своих работ указал на языковое и этнокультурное сродство между славяноруссами и древними народами Средиземноморья – пеласгами (первопоселенцами в Греции), фракийцами (Фракия – область на юго-востоке Балканского полуострова) и проживавшими в I тыс. до н. э. на территории Италии этрусками. Однако открытие ученого-романтика, которого с полным основанием можно сравнить с Генрихом Шлиманом, не стало событием в отечественной и мировой историографии. Историки-профессионалы не могут даже допустить мысли об участии предков русов и славян в событиях античных времен. Алексей Степанович Хомяков (1804–1860) по этому поводу писал: «Познания человека увеличились, книжная мудрость распространилась, с ними возросла самоуверенность ученых. Они начали презирать мысли, предания, догадки невежд; они стали верить безусловно своим догадкам, своим мыслям, своим знаниям. В бесконечном множестве подробностей пропало всякое единство... Многоученость Александрии и Византии затемнила историю древнюю, а книжничество германское наводнило мир ложными системами. В наше время факты собираются со тщанием и добросовестностью, системы падают от прикосновения анализа. Но верить существованию антиподов или отвергать древность книг ветхозаветных, верить рассказам о Франке и Брите или тому, что все десятки миллионов славян вышли из одного уголка Придунайской земли, – равно смешно».

Можно только было посочувствовать академику Рыбакову и его современным последователям, которые пытаются «втиснуть» древних росов в границы одной ограниченной области, будь то берега реки Рось или ареал славянской прародины. Указанные пределы для русского народа неизменно оказываются маловаты. И мы здесь совсем не уникальны. Точно такие же трудности возникают при изучении всякого народа, который пережил длительные (во времени и в пространстве) миграции. Современная историческая наука пока еще не выработала по-настоящему плодотворных методов анализа глобальных перемещений племен. К примеру, не будь текстов «Вед», ученые ни за что не признали бы, что арии пришли в Индию из южнорусских степей: слишком невероятным кажется такой переход, и нашлись бы тысячи отговорок в пользу местного саморазвития индийцев! Проблема миграции древних племен станет в будущем отдельной областью исторических исследований. Писатель В.И. Щербаков даже придумал ей название – метаистория, именно ей суждено открыть подлинную картину взаимодействия различных культур и народов. Русские и славяне являются частью индоевропейской исторической общности. Ее составляют народы, говорящие на языках индоевропейской группы. Некогда семья индоевропейских племен была едина. О конкретном месте их прародины ученые до сих пор спорят, но уверенно можно сказать, что располагалась она на территории Европы.

Аномалии среднегодовой температуры Северного полушария за последние 11 000 лет (в отклонениях от нормы 1951–1980 гг.)

На рисунке приведен график изменения среднегодовой температуры Северного полушария за последние 11 000 лет (в отклонениях от нормы 1951–1980 гг.). Из него видно, что в середине IX тыс. до н. э. среднегодовая температура упала до наинизшей отметки. В следующие 4,5 тысячи лет она в среднем повышалась, но в период с IV до середины III тыс. до н. э. среднегодовая температура снова скакнула на 3 градуса вниз. Итак, в рассматриваемое время существовало два периода значительного похолодания в Северном полушарии. Они удивительным образом совпадают по времени с оживлением жизни в южной части планеты. В первом случае, как убедительно доказал в серии фундаментальных работ археолог В.А. Сафронов, ранние праиндоевропейцы уже в VIII–VII тыс. до н. э. не только обосновались в Малой Азии (поселение Чатал-Гуюк на полуострове Анатолия), но также проникли на Ближний Восток (культурный слой Иерихона Б, стоянка Бейда на юге Иордании). Вторая мощная волна переселения индоевропейцев совпала по времени с возникновением древнейших цивилизаций в Египте, Шумере и чуть позже – в Индии. Это конечно же не случайно. Индоевропейцы принимали участие в их создании!

Но как в огромном массиве индоевропейских племен разглядеть следы древних росов? Каковы наши отличительные признаки? Эту тему в свое время обстоятельно обсуждали русские писатели и философы. А.С. Хомяков особо обращал внимание на то, что русский народ относится к земледельческим, а не завоевательным народам. Народы завоевательные по первоначальному своему характеру сохраняют всегда чувство личной гордости и презрение не только ко всему побежденному, но и ко всему чуждому. Таковы монголы, кельты, турки. Победители, они угнетают поработанных и не смешиваются с ними; побежденные, они упорно противятся влиянию победителей и хранят в душе инстинкты, зарожденные в них веками старинной славы.

Народы земледельческие, в противовес им, ближе к общечеловеческим началам. На них не действовало гордое волшебство победы; они не видали у ног своих поверженных врагов, обращенных в рабство законом меча, и не привыкли себя считать выше своих бра-

тьев, других людей. От этого они восприимчивее ко всему чужому. Им недоступно чувство аристократического презрения к другим племенам, но все человеческое находит в них созвучие и сочувствие.

Германец во всех странах света сохраняет иллюзию своего благородного происхождения и живет между иноземцами в гордом одиночестве. Ни один англичанин не знает наречий кельтических, а ведь в Англии (с Шотландией и Ирландией) кельты составляют едва ли не половину населения. Американцы в Соединенных Штатах и испанцы в своих южных владениях никогда не говорили языком краснокожих. Магьяр и немец венгерский также старались не пользоваться языком своих угнетенных народов, словаков, и даже уравниловный толстяк болот Голландии неизменно смотрел в своих колониях на туземцев, как на племя, созданное Богом для служения и рабства, как на человекообразного скота, а не человека. Для русских и славян такая гордость непонятна. Словак почти всегда говорит свободно по-венгерски и по-немецки. Русский смотрит на все народы, проживающие в пределах своего северного царства, как на братьев своих. Сибиряки во время вечерних бесед часто употребляли язык своих кочевых соседей, якутов и бурят, лихой казак Кавказа брал жену из аула чеченского, крестьянин женился на татарке или мордовке. Русские называют своею славою и радостью правнука негра Ганнибала, тогда как свободолюбивые проповедники равенства в Америке отказали бы ему в праве гражданства и даже женитьбы на белолицей дочери прачки немецкой или английского мясника.

Нашим западным соседям смирение наше кажется унижением, многие из наших соотечественников желали бы видеть в нас начала аристократические и родовую гордость германскую, надеясь найти в них защиту от влияния иноземного и будущее развитие гражданской свободы (на манер американский или, в крайнем случае, европейский). Но чуждая стихия не срастается с русским духовным складом. Мы были и всегда будем истинными демократами между прочих семей Европы; мы будем представителями чисто человеческого начала, благословляющего всякое племя на вольную жизнь и самобытное развитие. В нас невозможно вселить то чувство, тот лад и строй души, из которого развиваются аристократизм, родовое высокомерие и презрение к людям и народам. Это невозможно, этого не будет.

Но самая способность сочувствовать всем видам человеческого развития, принимать впечатления внешние и сживаться с жизнью иноплеменников лишает земледельца упорного характера личности, неизменно сохраняющей свои первоначальные черты. Борьба их против стихии менее уступчивой и менее гибкой кончается почти всегда уступкою врожденных коренных стихий. Тот, кто охотно говорит на языке чужом, легко забывает свой собственный язык. Тот, кто принял язык чужой, принял в себя волшебную силу чужой мысли, воплотившейся в звуки: но отдал душу свою под вечную опеку; он заковал ее в невидимую, но нерасторгаемую цепь; он схоронил всю свою старую жизнь, нравственную, умственную и бытовую. Из этого можно сделать вывод о нелепости системы, заставляющей теперешних русских и славян возникнуть из перерождения германца, финна или шведа.

Стоит напомнить, что весь северо-восток Германии до Эльбы был славянский на памяти человеческой, что германское завоевание не могло быть и, как известно, не было истреблением народа, но порабощением его; а между тем где же следы славянства? Их почти нет. Все народонаселение переродилось, и теперь отрицалось бы бывшее славянство всего края, если бы память о его покорении не была так свежа. А этот край – целая треть Германии, и даже более. Между тем финн, татарин и немец на земле Русской хранят свой быт, свою физиономию и свой язык. Вот ясные и согласные с нашей теорией факты.

Поэтому смешно и нелепо будет говорить о переливе чужого племени в славянскую форму. И когда исследователь найдет следы славянства в именах урочищ, рек, городов и прочем в странах, не представляющих других славянских примет, он не позволит себе пустого вопроса: «Как могли они переродиться?» Они переродились потому, что таков их характер

плебейский, труженический, чисто человеческий, готовый ко всякому развитию, способный воспринять всякую форму, но не охваченный еще резкою чертою личности неизменной.

Из того, что народ земледельческий легко принимает весь образ своих завоевателей и уступает им отличительные черты собственного быта, не должно думать, однако, чтобы дух народный погибал без следа.

Во всяком случае, в отношении русского народа это, несомненно, так. У каждого народа есть та «изюминка», которая выделяет его и служит как бы «визитной карточкой» нации. Сложились даже устойчивые выражения – «английский джентльмен», «немецкий порядок», «ирландское упрямство» и т. д. Что касается нас, то иностранцы не устают удивляться загадочной русской душе. Вот тайна для них за семью печатями: их поражает и открытость русских, их доверчивость и простодушие, и способность жертвовать своими кровными интересами. О последнем следует сказать особо.

Русскому человеку не свойственен национализм. Он решительно не хочет объединяться по принципу кровного родства. Ни одна русская партия не имела и не имеет скольконибудь весомого политического влияния. С момента создания Русского государства русские по отношению ко всем другим народам выступали в качестве старшего брата. Они всегда брали на себя выполнение самых тяжелых задач. Национализму, успешно процветавшему у братьев-славян (особенно на окраинах империи), балтов, татар и других народов, русские противопоставили свою особенную национальную идею, которая, с легкой руки Ф.М. Достоевского, стала называться русской. Как прямая противоположность племенному эгоизму, русская идея предполагает любовь и сочувствие ко всем народам земли. В своей знаменитой Пушкинской речи Достоевский прекрасно определил ее как «всемирную отзывчивость русского человека». Все самые крутые перемены в русском общественном сознании за последние пять веков – реформа Никона, петровские преобразования, большевистская революция и «демократический» переворот – были актами национального самоотречения. В каждой из этих перестроек национально ориентированные силы терпели сокрушительное поражение. Но победа чужеродных идей была predetermined, в том числе и заложенным в русских стремлением вжиться в новую, неведомую для них традицию. «Наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силою братства и братского стремления к воссоединению людей» (Ф.М. Достоевский). И то, что на пути к этому русские неминуемо жертвуют своими национальными интересами, уже никого не должно удивлять. Это не проявление слабости. Такова наша историческая миссия, таков путь русской идеи.

Обо всем этом Хомяков горячо и страстно написал (ранее Достоевского) в своей прекрасной книге «Семирамида», некоторые положения которой мы воспроизвели чуть выше. Эту книгу по праву следует признать «азбукой» метаистории. Хомяков попытался взглянуть на историю человечества с единых позиций, вплести судьбы отдельно взятых цивилизаций в общий процесс развития общества и, наконец, выделить в этом многонациональном мире движение отдельных племен и народов. Путь русских и славян он предложил угадывать, скорее, сердцем, чем разумом. Наш путь – это привнесение в душу каждого иноплеменника духа любви ко всем людям на земле. Русских всегда можно отличить по тому, что они сплачивают вокруг себя другие народы, наш удел – строительство империй, где каждое племя имеет равные права и возможности с русскими. Мы – идеалисты, равных которым нет в мире, мы – не от мира сего, мы все еще грезим и мечтаем об утраченном «золотом веке» человечества, когда оно жило счастливо единой семьей, и не было ни войн, ни раздоров. Отсюда и сказки о нежданно свалившемся богатстве, и маниловские «прожекты», и обломовское мирозерцание. Русские бессознательно хранят в себе память о времени былого единства всех людей (а не только его индоевропейской «составляющей») – вот наше коренное отличие от других народов. Но, признавая этот факт, можем ли мы объяснить, где истоки «нашей всемирности»? Откуда есть пошла русская идея?

Обычно для объяснения такой исключительности русских указывают, следуя славянофильской традиции, на особое влияние православия. Но такую точку зрения едва ли можно серьезно обосновать. В самом деле, почему явление всемирной отзывчивости не наблюдается у других православных народов? Или еще одна неразрешимая в свете этой версии загадка: неужели наш народный дух переменялся с принятием христианства? Правильней утверждать как раз обратное: древнерусская языческая стихия так повлияла на новую религию, что она усвоила и приняла каноны русской жизни, а значит, и истоки формирования нашего самосознания следует искать в истории дохристианской Руси.

Религия – наиболее яркое воплощение души народной. Боги народа – отражение его мирозерцания и отношения к жизни. К примеру, у германцев верховный бог Один представлялся в виде воина, у русских же высшим божеством служил Род – символ плодородия и любви. Разве не выражают они основополагающую линию в характерах двух великих народов? «Впрочем, лицо мифическое не всегда представляет собою характер того народа, которого воображением оно создано. Переходя в другой мифологический мир, оно к прежнему своему значению присоединяет еще новый характер, зависящий от народа-изобретателя и народа, принявшего чуждое божество. Когда племя шло на брань со знаменами с изображением своего невидимого покровителя, устрешенный неприятель принимал в свой Олимп грозное божество и старался не только умиловить, но и переманить его на свою сторону» (Хомяков А.С. Семирамида). Интереснейший момент – по судьбе богов можно следить за борьбой и перемещениями народов. Принятие чуждого бога в свой пантеон – процесс вынужденный. Он обозначает факт присутствия на данной территории народа-завоевателя. Таким образом, распространение культа того или иного бога совпадает с направлением миграции поклоняющегося ему народа. Вот наугад выбранный пример.

В «Повести временных лет» имеется неясное для комментаторов упоминание о том, что первопредок киевлян Кий был перевозчиком на Днепре. Летописцу это предание тоже невдомек, поэтому он пишет: «Однако если бы Кий был перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. А Кий этот княжил в роде своем, и ходил он к царю, как говорят». Странная выходит ситуация: о первом князе, основателе города и династии, сохранилось всего два обрывочных воспоминания, и потому каждое из них должно нести какую-то очень важную информацию. Но заслуживающим внимания, на первый взгляд, кажется только упоминание о походе на Царьград. Сам по себе это факт огромной важности, он указывает, что Русь изначально соперничала с Византией. Легенда же о перевозчике выглядит каким-то недоразумением, противоречием здравому смыслу. Но неужели наши предки были настолько легкомысленны, чтобы в течение нескольких веков из уст в уста передавать совершенно бессмысленную информацию? Удивительно, что ни один историк не задумался над этим. А разгадка этой легенды, прямо скажем, необычная.

В шумеро-аккадской мифологии Ки – один из верховных богов. Шумерцы называли его Эн-ки – Божественный Ки, а аккадцы – Хайа (Эйа). Ки – хозяин Мирового океана пресных вод, а также поверхностных земных вод. Этому богу чрезвычайно подходит роль хозяина реки (в просторечье перевозчика). Но это лишь одна из его функций. Он также бог мудрости и защитник людей, бог плодородия, носитель культуры и создатель мировых ценностей. Ки сотворил людей и в человеческой истории выступает хранителем основ цивилизации. Но и в русской летописи говорится, что Кий – первопредок! В мифе «Энки и Шумер» наш герой выступает как устроитель земного порядка на земле. Он отправляется в путешествие по земле, оплодотворяет ее и «определяет судьбу» городам и странам. Ки – символ мужского начала. Некоторые исследователи утверждают, что русские своим самым знаменитым матерным словом (сравни: Ки – кий, куй) поминают именно этого бога! Вот зримое проявление связи времен: несколько искаженное имя бога стало ругательством, но образ, связан-

ный с ним и ясно выражающий идею оплодотворения, предельно точно характеризует важнейшую роль бога-творца как зачинателя жизни.

Образ бога Ки восходит к тому далекому времени, когда индоевропейские народы были еще единой семьей. Мигрируя по планете, они приносили свои мифы в самые отдаленные ее уголки. Вот почему «следы» бога Ки (Кия) обнаруживаются и в Поднепровье, и в Междуречье. Это следствие глобальных перемещений народов в древности. Находки археологов неопровержимо доказывают факт присутствия индоевропейцев в Шумере, поэтому воссоздание изначальных представлений о нашем мифическом первопредке более чем оправданно. К тому же одна из ассирийских клинописных табличек, найденных в Месопотамии, открывает подлинный смысл предания о перевозчике.

Табличка содержит рассказ человека по имени Ут-напиштим о том, как он и его супруга достигли бессмертия. Согласно ему, однажды боги решили покарать людской род и уничтожить все живое на земле, ниспослав страшный потоп. И лишь гуманный бог Хайа (Ки), который присутствовал на этом совете богов, решил предупредить благочестивого Ут-напиштима о грозящей опасности. Ки приблизился к построенному из ветвей, камыша и глины домику Ут-напиштима в городе Шуруппаке. Дуновением ветра донесся его шепот: «Слушай, стена, слушай! Ты, человек из Шуруп-пака, построй себе корабль, брось свое имущество и спасай свою жизнь! Возьми с собой на корабль немного семян всех живых существ!..» Потом добрый бог Ки рассказал, каким должен быть корабль. И Ут-напиштим построил огромный ящик с крышкой, который был разделен на несколько этажей и отделений. Он тщательно прошпаклевал этот ковчег горной смолой и погрузил на него своих домочадцев, свои пожитки и скот.

Когда хлынул дождь, Ут-напиштим сел в ковчег и закрыл дверь. Началась буря. Засверкали молнии, загрохотал гром, кругом все потемнело, и страшный ливень обрушился на землю. Шесть дней и ночей продолжалось светопреставление. Когда же все утихло, Ут-напиштим открыл окна и увидел остров. Это была вершина горы Нисир, восточнее Тигра. Спустя еще шесть дней Ут-напиштим выпустил голубя. Тот вернулся. Потом улетала ласточка, но и она возвратилась. В конце концов был выпущен ворон, который уже не вернулся назад. Ут-напиштим понял, что это знак ему покинуть ковчег и вступить на землю, которая уже подсыхала.

Он освободил из ковчега животных и на вершине горы принес благодарственную жертву богу.

Древние шумеры, как и средневековые русичи, считали себя потомками великого бога Ки. В незапамятные времена им пришлось пережить катастрофу, отраженную в рассказе Ут-напиштима. С той эпохи и сохранялась легенда о божестве-первозчике, спасшем людей своим своевременным советом. История, рассказанная Ут-напиштимом, аналогична библейскому преданию о Всемирном потопе. Ут-напиштим – это вавилонский Ной, а Иегова, наставляющий последнего, играет роль бога Ки. Миф о потопе – бесспорное доказательство произошедшей некогда массовой миграции предков индоевропейцев (праиндоевропейцев) с севера на юг. В их числе были и предки русских. Наша история, таким образом, охватывает не только земли Европы и современной России, но также Средиземноморье, Ближний Восток и Вавилон. Найдем же в себе мужество и смелость поговорить о подлинной (а не безбожно урезанной) истории русского народа.

Глава 2

Баба-Яга – Великая богиня

*От зноя травы сухи и мертвы.
Степь – без границ, но даль
синее слабо.
Вот остов лошадиной головы.
Вот снова – Каменная Баба.*

*Как сонны эти плоские черты!
Как первобытно грубо это тело!
Но я стою, боюсь тебя... А ты
Мне улыбаешься несмело.*

*О дикое исчадь древней тьмы!
Не ты ль когда-то было
громовержцем?
– Не бог, не бог нас создал. Это
мы
Богов творили рабским сердцем.*

И. Бунин. Каменная Баба

Русские сказки сохранили чрезвычайно яркий и запоминающийся образ Бабы-Яги. В большинстве сюжетов она предстает в облике ведьмы – старой и злой старухи-колдуньи, пытающейся всячески навредить герою. «Баба-Яга или Яга-баба – сказочное страшилище, большуха над ведьмами, подручница сатаны. Баба-Яга костяная нога: в ступе едет, пестом погоняет (упирается), помелом след замечает; она простоволоса и в одной рубахе, без опояски; то и другое верх безчиния» (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка). Но сквозь этот «негатив» просвечивают и совсем иные ее качества. Так, сказка нередко повествует о трех вещих сестрах (Бабах-Ягах), изображая их хотя и сварливыми, но добрыми и услужливыми старухами: они предвещают страннику, что ожидает его впереди, помогают ему мудрыми советами, дают богатырского коня, клубок, указывающий дорогу в неведомые страны, ковер-самолет и другие диковинки. Кстати, русское слово «ага» есть один из вариантов произнесения имени богини (сравни яга=йагагага) и означает оно согласие («да», «так», «конечно», «ладно»). Таким образом, изначально Баба-Яга обладала не только отрицательными, но и многими положительными качествами. Точнее говоря, образ Бабы-Яги возник в те далекие времена, когда добро и зло еще не персонифицировались.

Археологи нашли множество женских статуэток, относящихся ко времени каменного века – палеолита (35–15 тыс. лет до н. э.) и неолита (8–3 тыс. лет до н. э.). Эти находки дают основание полагать, что в те эпохи женское божество считалось главенствующим. Такое предположение находит подтверждение в искусстве Древнего Крита, а также в дошедших до нас текстах древних греков, римлян и египтян, где верховное женское божество именуется Великой богиней (или Великой матерью). Самая древняя скульптура Великой богини была найдена на месте палеолитического поселения в Восточной Сибири (его возраст 34 тысячи лет). Она представляет рожаящую женщину с птичьей головой и высунутым языком. Образ богини-птицы, по-видимому, следует отнести к числу наиболее архаичных воплощений Великой богини. Человекоподобные образы богов приходили на смену зооморфным, но не всегда их замещение было полным. В частности, так произошло с Бабой-

Ягой, у которой «костяная (т. е. птичья) нога» и длинный (т. е. птичий) нос. Да и проживает бабушка в избушке на курьих ножках (здесь на форму жилища переносятся черты его хозяйки), а метлу, на которой она так лихо летает, следует признать поэтической метафорой хвоста. Эти сохранившиеся у Яги черты животного подчеркивают древность ее образа.

Представление о хозяйке избушки на курьих ножках как о птице-деве наводит на мысль, что изначально Баба-Яга уподоблялась птице, которая снесла и высидела мировое (космическое) яйцо. В мифопоэтической традиции самых разных народов оно осмыслялось как начало всех начал, прообраз космоса и его отдельных частей. Славяне, к примеру, верили, что весь мир подобен огромному яйцу: скорлупа – это небо, пленка – облака, белок – вода, желток – земля. В русских сказках яйцо выступает магическим предметом (оберегом). Оно может заключать в себе царства (медное, серебряное или золотое), хранит пропавшую любовь царь-девицы, жизнь Кошечья или волшебное семечко, от которого тает хрустальный дворец и освобождается царевна. Сохранились в сказках и более древние сюжеты о яйцах загадочной Жар-птицы, об утке, несущей золотые и серебряные яйца, а также о Курочке Рябе, обещающей подарить деду и бабе золотое яичко. В образах этих птиц продолжают жить старинные представления наших предков о Деве-птице – Великой богине, которая откладывает космическое яйцо (т. е. порождает Вселенную). Более поздние ее воплощения (например, сирены в греческой мифологии или русская вещая птица Гамаюн) сочетали в себе уже как человеческие, так и птичьи признаки. Бабу-Ягу тоже следует отнести к их числу.

Александр Николаевич Афанасьев (1826–1871), выдающийся русский литературовед, особо подчеркивал близость образов Бабы-Яги и сказочной Змеихи. По его мнению, слово «яга» соответствует санскритскому «ahi» – змей. «У славян Баба-Яга и мифическая Змеиха выступают в преданиях как личности тождественные; что в одном варианте приписывается Змее, то нередко в другом исполняется Ягою, и наоборот: на Украине поедучую ведьму обыкновенно называют змеєю. Замечательно, что те же эпические выражения, какими обрисовывается избушка Бабы-Яги, прилагаются и к змеиному дворцу. Словацкая сказка изображает сыновей Ежи-бабы лютыми змеями. Наконец, подобно змею, Баба-Яга любит сосать белые груди красавиц... и пожирает человеческое мясо» (Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу). Но как в одном образе могли ужиться черты змеи и птицы? Определяющим, на наш взгляд, тут является то обстоятельство, что змеи, как и птицы, размножаются схожим образом, поэтому Змея также могла мыслиться в качестве прародительницы Вселенной (Космического яйца). Так, эллины считали, что скифы произошли от мифической змеидевы, а в наиболее древнем (пеласгическом) варианте греческого мифа творения Мировое яйцо высидывал змей Офион (в предметах древнего средиземноморского искусства Великая Богиня постоянно изображалась вместе с ним).

Баба-Яга известна как похитительница детей. Ее избушка окружена забором из человеческих костей или тыном с воткнутыми на нем черепами. Это говорит о существовании кровавого культа этой богини, сопровождавшегося людскими, в том числе, по-видимому, и детскими жертвоприношениями. Но наряду с этим можно также говорить и о другой, более мирной, стороне ее культа. В своей, ставшей классической, книге «Исторические корни волшебной сказки» В.Я. Пропп особо отмечал, что в процессе «очеловечивания» бога-животного то, что ранее играло роль животного, становится его атрибутом. В частности, избушку Бабы-Яги можно соотносить с древним образом ее хозяйки. Но тогда нельзя не признать, что заклинание, произносимое Иваном перед жилищем богини: «Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом!» – звучит более чем двусмысленно. Не забудем также, что сказочный Иван не знает неудач в любовных похождениях, а то, что сказка изображает Бабу-Ягу старой и некрасивой, очевидно, «налет» более поздних времен. Можно не сомневаться, что изначальный облик Богини Всего Сущего был гораздо привлекательнее, да и сама она

была не столь дряхла и немощна. Не случайно в ряде сказочных сюжетов Баба-Яга выступает могучей воительницей, она – богатырша, спит с мечом-кладенцом в изголовье и бьется с богатырями, а на лубочных картинках изображается дерущейся со стариком или крокодилом.

Во многих сказках Яга предстает женщиной с огромными грудями: «Титьки через грядку» (грядка – шест для полотенец и пр.); «Яга, Ягишна, Овдотья Кузьминишна, нос в потолок, титьки через порог, сопли через грядку, языком сажу загребает». Или: «На печи, на девятом кирпичи лежит Баба-Яга, костяная нога, нос в потолок врос, сопли через порог висят, титьки на крюку замотаны, сама зубы точит». Баба-Яга подобна другим, более молодым, воплощениям Великой богини (Кибелы, Исиды, Астарты, Афродиты): она и воительница, и богиня любви. Ее пест и ступа – предметы, символизирующие вполне ясное эротическое действие, а метла, на которой восседает колдунья, – не менее очевидный символ утоления любовных вожделений. Словом, Иван, вступающий в избушку Бабы-Яги, не обычный посетитель или проситель. За этим сюжетом угадывается древнейший обряд служения и ритуал жертвоприношения Великой богине.

В древней Европе не было богов. Великая богиня считалась бессмертной, неизменной и всемогущей. Мужчины боялись своего матриарха, поклонялись и подчинялись ей; очаг, за которым она следила в пещере или хижине, являлся самым древним социальным центром, а материнство считалось главным таинством. По мере того как соитие становилось общепризнанной причиной деторождения, царица племени (земное воплощение Великой богини) выбирала себе на год возлюбленного из числа юношей, состоявших в ее свите, и, когда истекал срок, он приносился в жертву. По нашему мнению, обряд жертвоприношения юноши Великой богине служил исходным основанием для сюжета посещения сказочным героем избушки Бабы-Яги. В течение года (или более короткого срока) юноша должен был выступать в роли супруга-соправителя царицы, и потому встречается он неизменно по добром: его и накормят, и напоят, и необходимую помощь окажут. Другое дело, что герой всегда счастливым образом избегает гибели, но такой поворот событий легко объясняется тем фактом, что со временем Ягу превратили в злого демона. «С появлением земледелия и земледельческой религии вся «лесная» религия превращается в сплошную нечисть, великий маг – в злого колдуна, мать и хозяйка зверей – в ведьму, затаскивающую детей на вовсе не символическое пожрание. Тот уклад, который уничтожил обряд, уничтожил и его создателей и носителей: ведьма, сжигающая детей, сама сжигается сказочником, носителем сказочной традиции» (*Пронн В.Я.* Исторические корни волшебной сказки).

В последнее время появились основательные исследования, посвященные Великой богине. Отдельные главы посвятили ей А. Голан в книге «Миф и символ» и В.Н. Демин в книге «Загадки Русского Севера». Оба автора упоминают о Бабе-Яге, хотя ей и отведена второстепенная роль. А Голан говорит о нашей героине буквально «два слова», ограничиваясь лишь перечислением отдельных ее черт, указывающих на «ее происхождение от неолитической богини» (помимо уже отмеченных нами ее качеств, это еще и слепота). Анализ В.Н. Демина носит более полный характер. Он подчеркивает, что Баба-Яга – классический пример Великой богини, «матриархальной владычицы, которая изначально совмещала в себе черты воительницы, дарительницы и одновременно – похитительницы и людоедки». Особое внимание исследователь уделяет доказательству «прошлых сексуальных функций Бабы-Яги». По его аргументированному мнению, в сказке «Гуси-лебеди», где Баба-Яга преследует мальчика и кульминационно перегрызает дуб, первоначально был заложен легко угадываемый эротический подтекст. Такой взгляд прекрасно соответствует упомянутому выше ритуалу жертвоприношения юноши Великой царице.

Итак, Баба-Яга – один из древнейших образов Великой богини. Корни ее происхождения ведут во времена каменного века. Это первобогиня русских и славян. Но в то время

русские и славянские племена еще не выделились из единой индоевропейской общности. Но помнят ли другие народы о существовании этой Великой богини? Для начала обратимся к наследию древних греков.

История создания греческого Олимпа изложена в поэме Гесиода «Теогония» (VII в. до н. э.):

Прежде всего, во Вселенной Хаос зародился, а следом
Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный,
Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах глубоких,
И, между вечными всеми богами прекраснейший, – Эрос.

Впоследствии Гея сама из себя породила Урана-небо и Понт-море. От ее брака с Ураном произошло племя титанов, среди которых были и родители Зевса – Кронос и Рея, циклопы и сторукие великаны. Любовный союз Геи с Понтом дал начало целому ряду чудовищ, а от связи с Тартаром родился исполинский змее-человек Тифон. Греческая мифология, таким образом, – это история взаимоотношений потомков Геи.

Она праматерь богов и прародительница всего сущего, центральная фигура своей многочисленной семьи, хотя как действующее лицо в мифах появляется редко.

В греческом языке слово «земля» звучит как «хтон» и его никак нельзя соотнести с именем богини. Это, с одной стороны, свидетельствует о том, что имя Гея – догреческого происхождения и восходит ко времени единства индоевропейских народов, а с другой – наводит на мысль, что статус богини земли придали ей сами греки и изначальные ее функции были значительно шире.

В гесиодовском мифе творения земля («она») и небо («он») появляются порознь. Более распространенный сюжет у индоевропейцев предполагает, что бог-громовержец ударами своего молота раскалывает мир надвое, выковывая земную твердь и отделяя тем самым ее от неба. Этот миф из времен патриархата. В греческой же родословной богов, наоборот, особо выделена роль женского начала. Причем именно «она» (непорочным путем!) порождает отца своих будущих детей. Мысль о женщине как безусловном творце мира родилась в эпоху, предшествовавшую патриархату – «веку» господства мужчин. История, переданная нам Гесиодом, безусловно, содержит отголоски того древнейшего времени. Правда, первенство бесполого (?) Хаоса в какой-то степени лишает Гею верховного статуса и в этом уже видится грядущее наступление патриархата, но роли богини-творца эта неолитическая богиня еще не утратила. Необычность того иерархического положения, в котором пребывает Гея, на наш взгляд, является еще одним свидетельством того, что античные греки восприняли ее культ у других народов. Ими, как это ни покажется для многих читателей странным, были предки современных русских и славян. Прототип же Геи хорошо известен всем нам с детских лет и теперь не составляет никакого секрета. Это – Баба-Яга!

Богиня Гея – «мать сыра земля» – символизирует женщину-рожаницу. В этом смысле интересно, что «широкогрудая» – единственный, а значит, и самый характерный эпитет, которым Гесиод «награждает» Гею. Подчеркнуто большие женские груди – один из символов Великой богини, который, безусловно, роднит образы Геи и Бабы-Яги.

Белорусы утверждают, что Баба-Яга ездит по поднебесью в огненной ступе и погоняет огненной метлою, что во время ее поезда воют ветры, стонет земля, трещат и гнутся вековые деревья. Сверх того, Баба-Яга обладает волшебными огнедышащими конями, сапогами-скоходами, гусями-самогудами и мечом-самосеком, т. е. в ее власти состоят и быстролетные облака, и бурные напевы грозы, и разящая молния. Иначе говоря, в былые времена Баба-Яга олицетворяла могущество и необузданность природных стихий, так что появление ее из Хаоса под именем Геи в роли Хозяйки мира кажется весьма закономерным.

Теперь об именах богинь. Можно предположить, что словосочетание Баба-Яга – относительно позднего происхождения, а изначальным вариантом имени была «Ягая баба», т. е. «кричащая, шумящая баба». Такая форма имени и его различные производные (Ягайя-баба, Егабовна, Егибисна, Егибиха и т. д.) непосредственно присутствуют в фольклорных текстах. Но из-за безударной первой гласной словосочетание «Ягая баба» могло восприниматься как «Гая баба» (замечательно, что одно из значений слова «гай» – «гам, шум») или «Баба Гая». От последнего слова и произошло имя «Гая». Привлекательность такой версии заключается еще и в том, что другим значением слова «гай» (родительный падеж – «гая») в славянских языках является «роща», «лес» и, следовательно, «Баба гая» означает «Лесная баба», что идеально соотносится со сказочными описаниями Бабы-Яги.

Смысловая параллель яга – гай – гам имеет еще одно воистину впечатляющее следствие. Она позволяет отождествить имена Яга и Гамаюн! Гамаюн – вещая птица с человеческим (женским) лицом. Она – вестник древних языческих богов, их глашатай, поющий людям божественные гимны. Эта птицедева выступает хранительницей тайн мироздания. В представлениях русских людей ее образ связывается с картиной В.М. Васнецова «Гамаюн» и одноименным стихотворением А.А. Блока, написанным под впечатлением от нее:

На глзях бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных...
Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!

Нам неизвестны какие-либо специальные исследования, посвященные птице Гамаюн. Более того, ни в двухтомной энциклопедии «Мифы народов мира», ни в энциклопедическом словаре «Славянская мифология», подготовленном сотрудниками Института славяноведения и балканистики Российской академии наук, нет даже упоминания о ней. Этот мифологический персонаж почему-то представляется современным филологам второстепенным и не заслуживающим внимания. К счастью, так было не всегда. В.М. Васнецов и А.А. Блок ощущали исключительную важность образа вещей птицы в русской и славянской мифологии, и потому обратились к нему в своих произведениях.

Сам автор не раз внимательно разглядывал васнецовскую картину. Она притягивает своей красотой. Но вместе с тем в ней заключена и глубокая мифологическая символика. Дерево, на котором сидит вещая птица, не обыкновенное, а священное! Его называют Космическим (Мировым) деревом или Древом жизни. По представлениям самых разных народов, оно соединяет верхний и нижний миры Вселенной, это чрезвычайно архаический образ, наполненный глубоким философским содержанием. Он символизирует связь времен, единство всего Сущего (в том числе неразрывную связь с космосом), всеведение и торжество жизни. Это о нем писали А.С. Пушкин:

У лукоморья дуб зеленый...

и Вячеслав Иванов (стихотворение «Дриады»):

Так Древо тайное растет душой одной
Из влажной Вечности глубокой,
Одетое миров всечувственной весной,
Вселенской листвою звездноокой:
Се Древо Жизни так цветет душой одной.

(здесь в слове «листвою» с ударением следует произнести первый слог). Из-под корней Мирового древа («Из влажной вечности глубокой») бьют ключи с живой и мертвой водой.

Во многих русских сказках и заговорах Космическое древо описывается стоящим на Море-океане, на острове Буяне. Эту мифическую деталь обыграл Иван Бунин в своем стихотворении «Русская сказка». Приведем его полностью:

Ворон
Ну, что, бабушка, как спасаешься?
У тебя ль не рай, у тебя ль не мед?

Яга
Ах, залетный гость! Издеваешься!
Уж какой там мед – шкуру пес дерет!
Лес гудит, свистит, нагоняет сон,
Ночь и день стоит над волной туман,
Окружен со всех с четырех сторон
Тьмой да мгой сырой островок Буян.
А еще темней мой прогнивший сруб,
Где ни вздуть огня, ни топить не смей,
А в окно глядит только голый дуб,
Под каким яйцо закопал Кощей.
Я состарилась, изболела вся,
Сохраняючи чертов тот ларец!
Будь огонь в светце – я б погрелася,
Будь капустный клочок – похлебала б щец.
Да огонь-то, вишь, в океане – весть,
Да не то что щец – негу прелых лык!

Ворон
Черт тебе велел к черту в слуги лезть,
Дура старая, неразумный шлык!

Поэт попытался представить житье-бытье Бабы-Яги посреди океана – она уже и не Хозяйка леса, не Властительница природных сил и не Хранительница огня. Здесь налицо отступление от классической сказочной традиции. Случайно ли это? Разумеется, нет. Стихотворение было написано в 1922 году и имеет вполне очевидный политический подтекст. Баба-Яга в стихотворении, подобно России того времени, переживает трагические времена, она изолирована от мира, испытывает нужду и голод.

Точно так же в «нашествии» вод на васнецовской картине, замутивших бьющие из корней Мирового дерева ключи и затопивших остров Буян, мы склонны видеть исторический подтекст. Художник жил на рубеже веков и, подобно многим своим выдающимся современ-

никам, предчувствовал грядущие потрясения, ожидающие Россию. Закат на картине – предвестник кровавых перемен, этим же настроением пронизаны и блоковские строки. Правда, можно сказать, что мотив былых жертвоприношений Великой богине («Уста, запекшиеся кровью») в самой картине явно не выражен, и поэтом в данном случае более владели собственными пророчества о будущей судьбе России.

В ходе нашего исследования мы шаг за шагом восстанавливали первозданные черты Бабы-Яги: ее природную предрасположенность не только ко злу, но и к добру, вещь природу, внешний облик в виде девы-птицы, отнюдь не безобразную (если не сказать красивую) наружность и, наконец, покровительство искусству любви. Но все это свойственно и птице Гамаюн. Мы смело можем утверждать, что птица Гамаюн представляет изначальный образ Бабы-Яги – птицедевы. Более того, значение имен этих богинь суть одно и то же! Слово «Гамаюн» – двусоставное; первая его часть «гама» уже обсуждалась, вторая же «юн» означает «юная», «юница», так что все имя целиком можно перевести как «кричащая дева» или «кричащая молодка». Оно в точности соответствует расшифровке имени Баба-Яга. Вместе с тем оно содержит в себе и некоторое своеобразие. Древнерусские слова «юница» и «юнец» употреблялись в значении «новобрачные», юницами шутливо называли полувзрослых девушек, подлеток, поэтому птица Гамаюн, а значит, и Баба-Яга – богини-девственницы. Последнее обстоятельство объясняет, почему у Бабы-Яги нет мужа, а сама она всегда старается помешать соединению влюбленных. Но как тогда совместить представления о девственности Бабы-Яги с оргиастическим характером ее культа?

Применительно к другим ипостасям Великой богини эта проблема уже обсуждалась мифологами. «Остатки культа Великой богини сохранялись в античное время в Малой Азии, а также частично в Греции и других местах. Этот культ сопровождался поклонением фаллу и обрядами, носившими вакханальный, оргиастический характер. В Древнем мире существовала храмовая проституция, которая, как считалось, была угодна богине. При условиях, когда культ богини сопровождался блудом, когда сама богиня мыслилась сочетающейся с мужским божеством (судя по мифам и, в частности, по многим символическим композициям), парадоксальным представляется имевшее место мнение о ней как о деве» (Голан А. Миф и символ). В ситуации с Бабой-Ягой парадокс разрешается достаточно просто. Представления о ней формировались в ту далекую эпоху, когда еще не было ни богов, ни жрецов, а были универсальные богини и их жрицы, причем женщины являлись главенствующим полом, отцовство же не признавалось.

Обряды служения Великой богине и ритуалы жертвоприношений ей – тоже отголоски древнейших времен. На первых порах в них не вкладывалось какой-либо «духовной» подоплеки, а на первый план выходила оргиастическая (физиологическая) сторона культа. Под влиянием «догмата о девственности» они непрерывно трансформировались, может быть, даже на какое-то время запрещались, ведь не случайно же возникли «институты» скопцов, весталок и христианство – с его культом Девы Марии. Но в целом как традиция эти обряды сохранялись очень долго (в России это праздники в Ивановскую ночь с их сладострастными игрищами, обряды похорон бога плодородия – супруга Великой богини, изображавшегося в виде куклы с непомерно большим фаллосом).

Великая богиня является персонификацией изначальной стихии, Первоженщиной (Матерью Вселенной), своеобразным тотемным предком человечества. Идея создания Мира (включая богов) одним изначальным существом породила, в свою очередь, мысль о непорочном зачатии (славянское *deva* «девственница», кстати, этимологически родственно санскритскому *devi* «богиня»). В более поздние времена отношение к такому религиозному утверждению уже не могло оставаться столь единодушным, поэтому данная черта оказалась присуща отнюдь не всем ипостасям Великой богини. В частности, более молодой аналог Бабы-Яги – богиня Гея – уже не называлась девственницей, но своего мужа Урана она

родила непорочным путем! На некотором этапе развития русского народа жрецы осознали, что понятие о девственности богини не слишком вяжется с именем «Баба»: баба – замужняя женщина низших сословий, особенно после первых лет, когда она была молодкою, молодой женщиной, или вдова. Наверное, именно в тот момент и возникло новое имя нашей героини – Гамаюн, которое подчеркивает ее юность, чистоту и непорочность.

Наш метод поиска мифологических параллелей Бабы-Яги по существу основывается на двух принципах: выделении схожих черт в образах богинь и доказательстве этимологической близости их имен. При этом слово «Яга» мы соотнесли с понятием «гама, шума», издаваемого космотворящей птицей (Великой богиней). Возгласом «га!» до сих пор подражают гусиному крику, гагой, гоголем русские называют утку, одно из значений слова «гоготать» (т. е. заливаться криком «гого») – кричать по-птичьему, по-гусиному; кудахтать как курица, снесшая яйцо. Смехом «ха-ха-ха» мы поминаем Великую богиню Бабу-Ягу. «Ги, гиги» – наступательный крик казаков, крик загонщиков на облаве, – отсюда слова «гик», «гиканье». «Гей» – призывное междометие, означающее «эй, слышь, слушай». В рамках такой интерпретации имена Яга, Гея и Гамаюн можно считать синонимами. Разумеется, истинное значение греческого варианта имени наименее уловимо, но ведь так и должно быть при заимствовании образа. Общим для имен «Яга» и «Гея» является наличие общей согласной «г», и не стоит удивляться, что они имеют один и тот же смысл. К примеру, современное «рай» по-древнерусски звучало как «ирей».

Вполне понятно, что дать правильное толкование имени Гея на основании знания только греческого языка было бы практически невозможно. То же самое можно сказать и об имени другой греческой богини – Гестии. В самых разных индоевропейских языках (в том числе в русском и греческом) его можно буквально прочесть как «есть Г (Гэ)». Как и все обсуждавшиеся ранее имена, оно восходит к древнейшему кличу Великой богини. Гестия – богиня домашнего очага, старшая дочь Кроноса и Реи, олимпийское божество. Она покровительница неугасимого огня – начала, объединяющего мир богов, человеческое общество и каждую семью. Целомудренная безбрачная Гестия пребывает на Олимпе, символизируя незыблемый космос. Образ Гестии рано приобрел отвлеченные черты персонифицированного огня и не связан с мифологическими сюжетами. Как можно совместить почетное место на Олимпе и, по существу, отстраненность от участия в жизни богов? Очень просто: Гестия, подобно Гее, – одно из воплощений Бабы-Яги в греческой мифологии. Только теперь в ней подчеркнута другое важное качество, свойственное Яге, – поддержание священного огня. Сказки свидетельствуют, что печка у Бабы-Яги всегда затоплена, а своих гостей она обещает непременно изжарить. Русское «огонь» (слышится «агонь») происходит от корня «Аг», лежащего в основе прозвища Яга. Баба-Яга, может быть, единственный древнейший персонаж фольклора, который неотделим от своего жилища. Она – хранительница дома, более того, в некоторых сюжетах он окружен частоколом и подобен крепости. Слово «огород» (в смысле «огороженное место») тоже можно соотнести с именем Яга и переводить как «родина Яги». В Риме Гестии соответствовала богиня Веста, ей был посвящен специальный храм, в котором поддерживался вечный огонь – символ государственного благополучия. Жрицы Весты – весталки – избирались из числа девочек 6—10 лет; они должны были сохранять девственность в течение 30 лет и за нарушение этого запрета замуровывались живыми. Сопоставление Яги с Гестией и Вестой позволяет предположить, что мотив похищения детей Бабой-Ягой обусловлен не столько существованием в древности ритуала детских жертвоприношений, сколько наличием «института» жриц и жрецов, посвящавших свою жизнь Великой богине.

Выявленное нами несомненное родство Бабы-Яги с праматерью греческих богов неоспоримо свидетельствует о том, что предки русских и славян были в числе первопоселенцев на территории Греции. От имени Яга происходит название Эгейского моря. О птице

Гамаюн на землях Греции тоже осталось воспоминание: это юноша Гименей, божество брака, мужская параллель русской птицедевы, мыслившийся, однако, уже в человеческом обличье. Носители культа Бабы-Яги и птицы Гамаюн пришли в Эгеиду примерно в середине IV тыс. до н. э. Своей природой эта земля значительно отличалась от тех областей Восточной и Центральной Европы, где они проживали ранее. Местность тут была более гористой и не так богата лесами, но главное отличие заключалось в ее соседстве с морем.

Людей влекли в Эгеиду острова. Они были прекрасны; даже усталого морехода не могут не тронуть меняющиеся цвета этих тенистых холмов, которые, точно храмы, вздымаются над зеркальным морем. Сегодня на земле найдется не много пейзажей прелестнее этих; плывя Эгейским морем, начинаешь понимать, почему люди, населявшие эти берега и острова, полюбили их чуть ли не больше жизни и, подобно Сократу, считали, что изгнание горше смерти. Но кроме того, мореход не без удовольствия отметит, что драгоценные камни этих островов рассыпаны повсюду, причем на столь коротких интервалах, что – двигаясь ли с востока на запад или с севера на юг – он никогда не удалится от земли более чем на сорок миль. И поскольку острова, как и материковые хребты, были горными вершинами сплошной некогда суши, которую постепенно затопило упрямое море, желанные пики всегда радовали взгляд наблюдателя, служа маяками кораблям, еще не знавшим компаса. Бассейн Эгейского моря служил идеальным местом для выработки морских навыков. Вместе с тем начинающие мореходы более осознанно, чем их предки, ощущали свою неразрывную связь с землей. Море таило угрозу и возможную гибель, тогда как суша предвещала спасение и встречу с близкими. Поэтому в ранней греческой мифологии на первый план выходит именно богиня земли. В этом смысле вполне ясно и понятно последующее преобразование Геи в Гестию – богиню, символизирующую тепло и безопасность родного дома.

Как известно, собственно греческие племена (ахейцы, эолийцы, ионийцы) появились в Эгеиде около 1900 г. до н. э. Они восприняли и в значительной степени унаследовали культуру народа, первым обустроившего этот дивный край. Ее центром был остров Крит. Для современных исследователей вопрос о происхождении «критской» цивилизации – один из наиболее загадочных. В настоящий момент преобладает мнение, что ее создатели (пеласги) были неиндоевропейцы. Однако с каждым годом появляется все больше работ, доказывающих обратное. Выявленная нами история развития образа Бабы-Яги на греческой почве – еще один аргумент, противоречащий общепринятой точке зрения. Но может быть, распространение культа Бабы-Яги ограничилось только землями Греции?

Поверить в это очень трудно, поскольку в первой половине II тыс. до н. э. критяне имели самый сильный флот в Средиземноморье и успешно обследовали самые удаленные его уголки. Поэтому очень даже нелишне поискать «двойников» нашей богини в заморских странах. И искать долго не приходится. Расположенная буквально «в двух шагах» от Крита библейская страна напомнит нам о... Иегове. Верховный бог христиан и иудеев и Баба-Яга, не странно ли? Нет, ни в коей степени. Просто надо напомнить некоторые важные моменты, которые толкователи Библии предпочитают не разглашать. Дело в том, что представления об Иегове как о едином Боге-мужчине появились сравнительно поздно. Лоуренс Гарднер в книге «Чаша Грааля и потомки Иисуса Христа» датирует это время приблизительно 536 г. до н. э. (конец вавилонского пленения). Здесь возможны и другие даты, но важно то, что изначально Иегова, как вариант слова Яга, было именем Великой богини! Древние евреи, унаследовавшие миф творения от «пеласгов» или ханаанеев (доеврейского населения Палестины), ощущали недоумение: в книге Бытия женского рода «дух Божий» сидит, как наседка, на поверхности вод, хотя Мировое яйцо и не упоминается. Читающие Библию обычно не задумываются, почему порождает мир Бог-отец? Это очевидное искажение древнейшей мифологической традиции и прямой вызов здравому смыслу – ведь роженицей должна быть женщина! Библия составлялась и редактировалась уже во времена патриархата, поэтому связь

Иеговы с образом Великой богини всячески затушевывалась. Но это нас не должно обманывать! Мы должны знать, что прообразом верховного бога христиан и иудеев была Баба-Яга. О том же, как в Палестину занесло предков русских и славян, мы еще поговорим.

Глава 3 Кощей-курет

*Там ступа с Бабою-Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кощей над золотом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!*

А.С. Пушкин

За Кощеем Бессмертным утвердилось слава демонического героя. Он олицетворяет беду, грозящую героям сказки, и традиционно считается носителем зла, эдаким чертом. Но, как и Баба-Яга, Кощей не так прост, как кажется. Начнем с того, что он является хранителем космического яйца, которое находится в утке, а та вместе с зайцем в железном сундуке под зеленым дубом в море-океане, на острове Буяне. Заветное яйцо зарыто под корнями Мирового древа, места обитания Великой богини. Сама она, являясь в сказке в образе утки, оберегает свое священное сокровище и борется до последнего, пытаясь спасти его. В Кошее, таким образом, следует видеть, прежде всего, спутника Великой богини, ее верного слугу (жреца и супруга!), жизнь (вернее, даже бессмертием, что неизмеримо дороже!) расплачивающегося за свою преданность ей.

В сказках Кощей играет роль скупого хранителя богатств и похитителя красавиц. Этим своим поведением он напоминает Змея, иногда они даже заменяют друг друга в разных вариантах одной и той же сказки. Змей – очень древний мифологический символ, и его поведение не исчерпывается только злыми деяниями.

Точно так же слава отрицательного героя закрепилась за Кошеем лишь в относительно недавние времена.

Но, может быть, первичный смысл образа Кощея откроет его имя? В старославянских памятниках слово *кощь*, *когить* попадает исключительно в значении «сухой, тощий, худой телом» и очевидно стоит в ближайшем родстве со словом «кость». В русском языке слова «окостенеть» и «умереть» – синонимы, поэтому при экранизациях сказок или в иллюстрациях к ним Кощея часто изображают в виде скелета (символа смерти). Однако в самих сказках Кощей никого не убивает, наоборот, расправляются с ним и его приближенными. Более того, прозвище Бессмертный указывает, что в нем заключено некое жизненное начало, противостоящее тлену и гибели. Важно напомнить также, что Змей, с которым неизменно сопоставляют Кощея, служит символом мужского оплодотворяющего начала. Общеизвестна и страсть сказочных Змеев к юным красавицам (девственницам), умыкаемым ими то из-под родительского крова, то со свадебного пира. Игла, которую находит Иван в Кошеевом яйце, символизирует его жизнестроительные силы, это иносказательный образ детородного органа. Переламывание иглы означает утрату Кошеем способности порождать новые жизни, а если шире, то и право выступать в качестве божества плодородия. Поступок Ивана полностью аналогичен действию Кроноса, оскопившего своего отца Урана, чтобы пресечь его бесконечную плодовитость. Выставлять Кощея только демоном загробного мира, несущим миру смерть, – неправильно. Таким его, и то не в полной мере, сделала позднейшая традиция. В силу этого и этимологическая параллель *Кощей* – *кость* дает лишь частичное понимание того изначального смысла, который вкладывался в имя нашего мифологического персонажа.

Существует также версия, согласно которой имя Кощей заимствовано у тюрков и переводится как «пленник, узник, раб». Здесь исследователей пленило хорошее звуковое согла-

сие слов из разных языков. Но образ Кощея как хранителя космического яйца и защитника Великой богини возник задолго до того, как начались какие бы то ни было контакты русских с тюрками (первые века нашей эры). Ошибка во времени в данном случае исчисляется даже не веками, а тысячелетиями. Кощей – один из наиболее древних наших мифологических персонажей, и корни его имени следует искать в словарях индоевропейских языков. Что же до значения имени в тюркском переводе, то оно отражает лишь один сказочный эпизод, когда Кощей томился в чулане у Марьи Моревны. Никто кроме нее (и об этом подробнее чуть ниже) не смог пленить его или заставить служить себе, поэтому производить слово «Кощей» от «пленника, узника, раба» неоправданно. Другое дело, что в эпоху столкновений с тюрками попадание в плен (т. е. в рабство) для русского человека было равносильно встрече со смертью, которую в те времена олицетворял для них повелитель царства мертвых – Кощей.

Итак, происхождение слова «Кощей» загадочно, если не сказать таинственно. «Лобовые» (чисто лингвистические) методы анализа дают очевидный сбой, поэтому стоит пофантазировать, а как выглядел Кощей в своем первоизданном виде. О Кошее известно, что он летает. В сказочных текстах полеты не редкость: летают и ковры-самолеты, и корабли, и даже рожденные ползать змеи. Но в природе летают только птицы! Не забудем, что древнейшим символом Великой богини была именно птица. Так не мыслился ли и ее хранитель изначально в птичьем облике? Разве не птица-самец должен оберегать яйцо, снесенное птицедевой? Конечно он, ее супруг, и сторожит плод своей любви. Иначе и быть не может, иначе вся история с магическим яйцом, зарытым где-то у черта на куличках, превращается в полную бессмыслицу, которая не пережила бы и двух-трех поколений. Мифы, рожденные много веков назад, можно сравнить со светом, приходящим от далеких звезд. Тысячи лет он странствовал в космической пустыне, но в конце концов был увиден и запечатлен людьми. И теперь дело за малым – описать историю путешествия светового луча.

Но вернемся к разговору об имени нашего героя и возьмем, как говорится, быка за рога. Русские называют петуха еще кочетом или кочем. Слова «кочет» (слышится «кочт») и «коч» созвучны имени «Кош», которое присутствует в сказках и породило более поздний, ставший общеупотребительным вариант «Кощей». В основе всех этих слов лежит форма «Ко-» – характерный звук, который издают петухи и куры. От нее произошли слова «коко» – яйцо, «кокошь» – курица, наседка, «кокотать», т. е. кудахтать. Имена Кочет, Кош, Кощей тоже родственны им. В связи с этим напрашиваются объяснительные параллели: Кочет – тот, кто кокочет, Кош – тот, чья жена кокошь, а Кощей – кокоший (наседкин) муж. Самцы молчаливее своих подруг, поэтому в их именах присутствует только одно «ко».

Народная сказка приписывает Кошеему обладание гуслиями-самогудами, которые так искусно играют, что каждый невольно заслушается их до смерти. Но что это за инструмент, который играет сам по себе? Может быть, это просто поэтическая метафора песен вещей птиц, к числу которых относится и петух? Ведь слово «петух» произошло от глагола «петь», а самого петуха называют еще пивень, то есть поющий.

В народных верованиях славян петух – птица, способная противостоять нечистой силе и в то же время наделяемая демоническими свойствами. У украинцев демонический петух называется «царик». Он начинает петь еще в яйце, а когда вырастает, то становится самым почитаемым петухом в округе. Он первым поет в полночь, и его боится дьявол. «Царика» нельзя резать. В Сербии верят, что петух может быть «змеем». Такой петух отличается необыкновенной силой. При приближении градоносной тучи он забивается под порог и там оставляет тело, а его дух идет бороться с халами (мифическими существами – душами самоубийц, которые водят тучи). Существует поверье, что петуха нельзя долго держать в хозяйстве. Сербы ежегодно в день Ильи-пророка колют на пороге старого петуха и заводят нового. По их представлениям, старый петух может навлечь на хозяина смерть или превратиться в демоническое существо. У всех славян считается, что старый петух, проживший

три, пять, семь или девять лет, снесет маленькое яйцо. Из этого яйца может вывестись демоническое существо («хованец-годованец», «огненный змей», «василиск» и др.), принимающее вид огня, искры, кота, маленького человечка или цыпленка. Это существо нечистое. Оно исполняет желание хозяина, но через три года забирает его душу. В некоторых местах считали, что петух загребает свое яйцо в навоз, и из него вылупляется демонический змей. Эти примеры убедительно доказывают возможность перевоплощения Кощея-кочета в демонического Змея.

В былине «Иван Годинович» упоминается отчество Кощея – Трипетович. Оно «еще не подвергалось толкованию» (*Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси*) и выглядит совершенно неприступным для анализа. В нашей интерпретации Трипетович – значит Трипетухович или третий Петухович (третий цыпленок у своих родителей). Таким образом, отчество Кощея свидетельствует, что он потомок Кочета. Но какой смысл имеет корень «три»?

На Руси вплоть до начала XX века праздновался загадочный и таинственный для современных исследователей праздник «троецыплятницы». Опишем вкратце его, следуя материалам, собранным выдающимся русским этнографом Д.К. Зелениным (1878–1954) в статье «Троецыплятница». Троецыплятницей называют курицу, выведившую цыплят три раза. Хозяйка дома, в котором задумали праздновать «троецыплятницу», сначала делает сбор в кругу своих родных и знакомых; последние дают солод, муку, хмель и крупы. По окончании сбора хозяйка заблаговременно готовит пиво. Кушанья делаются уже общими силами. Приготовлением кур-троецыплятниц занимаются одни вдовы. Кроме них, никто другой, ни из мужчин, ни из женщин, не должен касаться этих кур. Только колоть их дают мальчику не старше 9 лет.

В назначенный день, после молебна, на котором бывают все приглашенные на праздник, устраивается обед. Сперва за стол усаживаются одни мужчины, им подается вино и пиво и все кушанья за исключением троецыплятницы, которую, согласно традиции, должны есть одни женщины. Отобедав, мужчины вскоре уходят, женщины же, оставшись одни, высылают из комнаты девиц и детей и запирают двери. Потом, затеплив пред иконами свечу и помолившись Богу, садятся кушать за два стола: за первый – старые, а за другой – молодые женщины, и с благоговением продолжают свою трапезу, не употребляя во время нее ни вина, ни пива. За первым столом занимает первое место, обыкновенно, старшая летами, по преимуществу вдова. Она, отломив голову троецыплятницы, передает ее другим, а те друг другу, ломая на части руками, так как, по их мнению, грех употреблять в то время ножи и вилки. После окончания трапезы старшая летами, собрав кости троецыплятниц и положив их в чистый сосуд, ставит его с благоговением на свою голову и проносит его по комнате взад и вперед. После нее этот ритуал исполняет каждая из присутствующих женщин. По окончании обряда хозяйка вынимает кости из сосуда, заворачивает их в скатерть и прячет. В этот же день вечером, тайно от других, хозяйка пускает скатерть с костями в воду, если поблизости есть река или пруд. Если же рядом нет водоемов, то эти остатки скрываются в поле или в лесу, и обязательно без свидетелей, чем подчеркивается священность захоронения. На другой день гости собираются вторично, нарочито уже для угощения, принося приготовленные дома кушанья. Тогда пьют пиво и вино и веселятся, кто как может, по своему обыкновению. Так заканчивается этот обряд, который справляется непременно осенью и которому приписывается какая-то чудодейственная сила.

Троецыплятница является символическим изображением Великой богини, одним из древнейших воплощений Бабы-Яги (не забудем о необыкновенном расположении ее жилища, выдающем ее родство с курицей). Ритуальное поедание троецыплятницы сродни более позднему по происхождению обряду похорон божества плодородия (у славян в этой роли выступали Кострома, Марена, Ярила и др.). Их соломенные чучела сжигали или разрывали на части, но считалось, что позже они обязательно воскреснут, знаменуя неуничто-

жимость жизни. Этот ритуал был призван обеспечить плодородие. Близкие идеи, по всей видимости, лежали и в основе праздника «троецпылятницы». Петух и курица известны как символы плодородия. Петухов резали, чтобы приготовить ритуальное блюдо после окончания жатвы. После уборки зерновых сербы, например, закалывали петуха на гумне, его кровью окроплялось зерно, которое первым бросали в землю при севе. Курица, трижды выведшая цыплят (тройка – магическое число), считалась в значительной степени уже истощившей свои плодоносные силы, чтобы родить здоровое и сильное потомство, и потому обрекалась на заклание. Служительницами Великой богини в данном обряде выступают вдовы женщины («весталки» поневоле) и юный мальчик, которые (в силу разных обстоятельств) также не могут олицетворять плодородие. Но как Марена и Кострома, троецпылятница в будущем должна воскреснуть, правда, уже в другом облике. Не случайно ее поедают без использования режущих и колющих предметов, чтобы не повредить косточек. Кстати, не отсюда ли происходит обычай есть курицу руками? В русских сказках распространен сюжет, когда косточки съеденного животного, зарытые где-нибудь в заветном месте, порождают через некоторое время новую жизнь. Продолжать божественную (жизненную) линию троецпылятницы должен был последний в ее роду, то есть рожденный третьим цыпленок (обратим внимание, что в сказках все запредельные задачи удается решить именно третьему сыну). Его потомку Трипетовичу надлежит хранить плодоносные силы природы, что, собственно, и делает Кощей в роли стража символического яйца жизни.

Подтверждением такому истолкованию служит сказка «Марья Моревна» из сборника Афанасьева. В ней Кощей и Иван-царевич сражаются за право быть возлюбленным Марьи Моревны. В первый раз, когда Ивану удается вызволить суженую из плена, вещий конь Кощея говорит своему хозяину: «Можно пшеницы засеять, дожидаться, пока она вырастет, сжать ее, смолотить, в муку обратить, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб поесть, да тогда вдогонь ехать – и то поспеем!» И после второй попытки увоза конь Кощея уверенно заявляет: «Можно ячменю засеять, подождать, пока он вырастет, сжать-смолотить, пива наварить, допьяна напиться, до отвала выпасться да тогда вдогонь ехать – и то поспеем!» В тексте сказки обнаруживается интереснейшее обстоятельство: время пребывания Марьи Моревны на свободе совпадает по срокам с сезоном полевых сельскохозяйственных работ. «Сев. Рост колосьев. Жатва. Молотьба. Размол зерна. Выпечка хлеба и варка пива. Здесь с подробностью заклинания, перечисляющего все детали и все этапы, представлен полный годичный цикл древнего земледельца от весеннего сева до осеннего праздника урожая с его ритуальным пивом. Упомянуты тут и древнейшие злаки первых земледельцев: яровая пшеница и ячмень» (*Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси*). Сказочная Марья Моревна – это один из образов Великой богини, по-другому – Морены. На время холодов ее уносит и оберегает в своем дворце Кощей Трипетович, хранитель сил плодородия. Таков изначальный смысл мифа о Кошее и Марье Моревне. Повторимся: злодеем и повелителем царства мертвых Кощея сделала уже позднейшая традиция, попросту он уступил свое место верховного бога плодородия более молодому Ивану.

Важным культовым действием во время праздника «троецпылятницы» являются манипуляции с сосудом или горшком, в которые положены обглоданные косточки жертвенного животного. Женщины поочередно ставят его на голову и ходят с ним по комнате. В чем же состоит смысл этих магических действий? Тут самое время вспомнить, что у русских роль оберега домашней птицы выполняли камешки со сквозными отверстиями, горшок, кринка или глиняный рукомойник без дна и т. д. Он назывался Куриный бог и помещался обычно в курятнике около насеста или над ним. Делалось это, чтобы куры хорошо неслись и были целы. Горшок с останками троецпылятницы выступает в рассматриваемом обряде в качестве Куриного бога. Наличие отверстия у предметов, символизировавших этот оберег, позволяет усматривать в нем женский эротический символ, что соответствует одной из его функций

– способствовать плодородности кур. С другой стороны, внешний вид кости чрезвычайно схож с эректированным фаллосом, поэтому помещение куриных (неразломанных!) косточек в горшок символизировало акт оплодотворения Великой богини, будущее сексуальное действие, которое послужит зарождению новой жизни. Указывавшаяся ранее этимологическая параллель Кощей-кость дает нам дополнительное основание утверждать, что образ Кощея поминался в ходе обряда. Но почему женщины ставили сосуд с костями на голову? Эта деталь обряда опять-таки не случайна.

Религиозные воззрения на Руси требовали, чтобы замужняя женщина тщательно скрывала свои волосы от постороннего взора. Засветить волосом, т. е. показать постороннему хотя бы прядь своих волос, было для нее величайшим позором. Головными уборами замужней женщины служили покрывало, кичка, кокошник и др. Девичий головной убор отличается от них, главным образом, тем, что девушки не закрывают темени и открывают волосы. При этом они не прячут косу, которая свешивается на спину. Непокрытые волосы считают показателем девственности, и поэтому женщине, родившей ребенка, не полагается носить девичий головной убор. Покрытие головы, таким образом, символизировало переход женщины в новый период своей жизни, когда она становилась Матерью. Устанавливая ритуальный сосуд на голову, женщина имитировала первое надевание девушкой головного убора замужней женщины. Этим магическим приемом (символическим переживанием акта совокупления) она призывала к себе силы плодородия. Очень характерно, что женщина, поддерживающая сосуд, стоящий на голове, напоминала известные изображения Великой богини (в наскальных рисунках, в вышивках) с устремленными к небу руками. Этот обряд совершался в отсутствие мужчин, что свидетельствует о глубокой его древности. Он зародился во времена матриархата и подчеркивает приоритет женщины в воссоздании жизни. Однако манипуляции с костями (которые символизировали то, что в сказке целомудренно названо Кошеевой смертью) и горшком (Куриным богом) указывают, что сам акт творения, в отличие от первобытных эпох, уже не мыслился без участия мужчин.

Отчество Кощея созвучно имени одного из персонажей античной мифологии – Триптолема – сына элевсинского царя (Элевсин – город со знаменитым святилищем мистерийного культа, расположенный в 22 км от Афин). Согласно древнегреческим мифам, богиня Деметра подарила Триптолему зерна для сева, деревянную соху и колесницу, запряженную змеями, и послала его учить людей во всем мире искусству земледелия. Деметра – богиня плодородия и земледелия, дочь Кроноса и Реи, сестра и супруга Зевса. Ее имя Деметра легко читается по-русски: Дий-матерь – божественная мать. В греческом же языке, чтобы расшифровать ее имя, следует изрядно потрудиться. Слово «Деметра» или «Матерь Де» обычно трактуют как мать-земля, отмечая возможность перехода слога «Де» в «Ге» и тем самым в имя богини земли Геи. Деметра добра к людям, прекрасна ликом, у нее волосы цвета спелой пшеницы. К этой богине древние греки взывали, чтобы удалась пахота и зерна вышли полновесными. Один из мифов рассказывает, что Деметра сочеталась в священном браке на трижды вспаханном поле с критским богом земледелия Иасионом. Непременная троичность ритуального акта невольно напоминает о троецпыльнице, – но не будем пока торопиться. В этой «истории» более интересно другое: в супруге Деметры нельзя не узнать божество плодородия из восточнославянской мифологии – Усеня. Он – ритуальный персонаж, связанный с началом весеннего солнечного цикла и возрастанием производительных сил природы. Имя этого бога присутствует в разного рода обрядовых, в том числе колядных, песнях. Приведем одну из них:

Усеня, усеня,
У ворот костеня,
Мы подходим к воротам,

К золотым вереям:
«Дома ль ваш хозяин?»
«Его дома нету.
Он поехал в поле
Пашенку рассевать».
«Дай ему бог:
Колосисто, колосисто,
Как из колоса – коврига,
Из полна зерна – калач».
Подай кишку, ножку В заднюю окошку.
Подавай – не ломай,
Будет сын Николай.
Отломишь немножко —
Будет сын Ермошка.

Эта веселая колядка – своеобразное пожелание достатка хозяину и всем его домашним, причем, помимо хорошего урожая, ее исполнителей заботит и появление нового наследника, продолжателя дела отца. Поспособствовать таким добрым делам и должен Усень.

Как и Усень, Иасион – умирающий и воскресающий бог, каждый год он покидает землю и спускается в Аид, но с наступлением нового аграрного цикла возвращается к своей возлюбленной Деметре. Таким образом, Иасион – более молодой греческий двойник Усеня, его культ принесли на Крит и в Грецию предки современных русских. Имя Усень со временем исказилось и превратилось в Иасиона – слово, которому, если считать его греческим, трудно дать какой-либо разумный перевод.

Для древних греков Триптолем был прежде всего Верховным жрецом Элевсинских мистерий. Во время праздника посвященные в таинство Деметры символически представляли ее любовное приключение с Иасионом. Кульминацией церемонии становился мистический брак жреца, представлявшего Иасиона (в более поздние времена его замещал Триптолем, а еще позже Зевс), и жрицы, являвшейся воплощением Деметры. Эта символическая свадьба приносила свои плоды с магической быстротой, так как вскоре радостно восклицали: «Наша Госпожа родила священного младенца»; на всеобщее обозрение выставлялся срезанный хлебный колос, символизировавший плод ритуального союза – щедрый дар полей. Само празднество продолжалось в течение нескольких дней, со временем оно приобрело ярко выраженный театрализованный характер с четко расписанным сценарием. Мы остановимся лишь на некоторых его деталях, «выдающих» влияние русской мифологической традиции на культуру древних греков.

Во время подготовки к празднику мистерий, которая проводилась в Афинах, посвящаемый вместе с другими членами своей группы приводился в одно из укромных мест внутри священного храма богини. Там они за ширмой обнаруживали сидящую на корзине старую жрицу Деметры. Как только группа переступала порог, жрица вставала, открывала корзину и знаком велела первому что-то достать. Там лежало перевернутое деревянное материнское лоно. Посвящаемый вынимал его из корзины, переворачивал и осознал, что у него в руках. После этого жрица направляла его в священный покой, где в полумраке, выпрямившись во весь рост, стояла молодая жрица. Она держала на голове маленькую корзину. Когда посвящаемый входил, она снимала корзину и показывала ему, что там пусто. Далее она жестом приказывала ему положить туда лоно, не переворачивая его, затем ставила корзину на голову, некоторое время серьезно смотрела на вошедшего, опять снимала корзинку, просила его вытащить содержимое и уходить. За дверью этот предмет снова переворачивали и клали в

корзину Деметры, на которую опять усаживалась старуха-жрица. Она ждала следующего посвящаемого.

В описанном обряде нельзя не узнать элементы, свойственные празднику «троецпылятницы». В Афинском святилище, правда, уже допускалось присутствие мужчин. Однако смысл ритуальных действий, означавших символическое совокупление посвящаемого с Великой богиней, остался неизменным. Ни один из мифологов не дал разумного объяснения, почему жрица держит корзину на голове. Обращение же к русской языческой традиции позволяет дать этому содержательное толкование.

Во дворе внутреннего святилища в Элевсине находился «камень скорби», сиденье Деметры, перед которым одна из жриц богини, игравшая роль нагой служанки Ямбы, во время празднества исполняла ритуальный танец. Вероятно, она выплясывала перемену обличей, движение вспять от человека и животного вниз к змее. Под конец у нее в руке появлялось яйцо, которое она протягивала богине. Этот дар надлежало поместить в середину круглого камня со множеством выемок – для отдельного принесения в жертву всевозможного зерна. Что же это за камень? Да не что иное, как Куриный бог! Помещая яйцо внутрь отверстия в середине камня, жрицы Верховной богини символически обыгрывали акт зарождения в чреве Великой матери нового жизненного начала. При этом сама Деметра, подобно Яге, изначально мыслилась в образе птицедевы (точнее, курицы), дарующей жизненные силы Природе, что подчеркивают выемки в камне, наполнявшиеся зернами. Эротический танец нагой Ямбы, исполнявшей при этом непристойные песни, символизировал совокупление Деметры и Иасиона. Имя этой жрицы опять-таки не находит объяснения в греческом языке. По нашему мнению, Ямба – это слегка искаженное при заимствовании русское словосочетание Гам-баба – «шумящая баба», что прекрасно соответствует ее поведению (при произношении с ударением на первом «а» последний, проглатываемый слог отпал).

В одной из сцен Элевсинских мистерий жрица, изображающая Деметру, призывает к себе Ямбу, распускает свою белую головную повязку и повязывает ее девушке так, что узел находится впереди и концы крылышками торчат над лбом. В головном наряде Ямбы нельзя не узнать русскую кичу (кичку). Ее носили только замужние женщины. Оргиастический танец Ямбы символизировал половой акт, в котором она, как одно из воплощений Великой богини, теряла свою девственность. В связи с этим одевание на нее кики имело ритуальное значение.

Обычно торчащие концы платка сравнивают с рогами. Но это мнение отражает те времена, когда Великая богиня стала уже представляться в образе коровы, а ее супруг (как правило, им был бог-громовержец), соответственно, в облике быка. На более раннем этапе истории концы кики изображали крылья птицедевы; не случайно, что этимологически близкий названию головного убора глагол «кикать» означает «кричать по-птичьи». Маленькие рожки (крылышки) иногда украшали и девичий наряд – кокошник, название которого напрямую соотносится с образом курицы (кокоши). Символическое обретение крыльев (в более поздней традиции рогов) означало для девушки приобщение к таинствам брака и культу Великой богини.

Триптолем во время Элевсинских мистерий возглавляет мужскую половину свиты Великой богини. Ее составляют молодые юноши, которые исполняют танцы с оружием под ритмические звуки ударных инструментов. Всех их называют еще куретами. Смысл данного слова совершенно неясен для исследователей. Но для нас он уже не составляет секрета. Куром русские называют петуха, куретой вологодцы именуют курицу. Таким образом, куретов по-другому следует звать петухами. Подобно петуху, прогоняющему своим криком всякую нечисть, они оберегали свою Госпожу. Роль греческих куретов в точности такая же, как и у нашего Кощея, а имена имеют одно и то же значение в русском языке. Символическое

оскопление Кощея, которое совершает в русской сказке Иван, сродни тому кровавому ритуалу, который проделывали куреты во время мистерий в честь Великой богини.

В греческом языке имя Триптолем может переводиться по-разному: «сильный воин» или «троепашец», «трижды дерзнувший» совокупиться со жрицей. Совсем иная интерпретация имени, однако, получится, если считать его многосоставным. Значение первой части, происходящей от «Трипет» («Троекур»!), вполне понятно и имеет чисто русские корни. Со второй же ситуация сложнее, она «прилепилась» к исходной основе во время путешествия образа Курета-Кощея с территории Восточно-Европейской равнины в Грецию и потому должна отражать уже общеиндоевропейскую традицию. В русском языке корень «лем» присутствует в слове «леман» – «нечистый дух, леший, черт». В болгарском языке ламья, ламя – баснословная змея, латинское *lamia* означает «колдунья, ведьма», ее представляли змеей с головой и грудью красивой женщины. А.Н. Афанасьев отмечает, что там, где в славянских сказках действующим лицом является Баба-Яга, параллельные места новогреческих и албанских сказок выставляют ламию и дракониду. Наконец, в греческой мифологии Ламия – богиня, одна из возлюбленных Зевса, которая, после убийства своих детей Герой, превратилась в чудовище. Отрицательные черты в портрете Ламии не должны смущать нас, мы уже убедились, что чем старше возраст мифологического персонажа, тем больше вероятность того, что он царствует в подземном мире и олицетворяет не столько силы плодородия, сколько гибель и зло. Но если корень «лем» (исходный «лам») соотносить с понятием «змеи», то имя Триптолем следует переводить как Трое-птице-змея. Стоит согласиться, что длительные филологические упражнения стоили того. Греческий Триптолем – это «двойник» русского Кощея! В античные времена Триптолема представляли уже человекоподобным, но он разъезжал в колеснице, запряженной драконами (змеями). В этом нельзя не углядеть преемственность древнейшей идеи связывать его образ с птицами и змеями, идущей, повторимся, от нашего Кощея.

Некоторые известные мифологи XIX века пытались реконструировать образ славянского божества времени, аналога греческого Крона (Хроноса). Ссылаясь на средневековые латинские словари, они предположили, что его звали Крът (Крет) – созвучно (совпадают первые две буквы) имени Крон. Подобной точки зрения придерживался, в частности, Якоб Гримм в своем классическом труде «Немецкая мифология» (1835). Сейчас можно конкретизировать их поиски неведомого бога и поставить точку в данном вопросе. Имя божества времени у древних славян было Курет. В русских сказках и былинах он известен как Кощей Бесмертный. Но народ сохранил память о нем и в другом фольклорном образе – бесе Куренте (имена практически идентичны!), рассказывая про него такую притчу.

Однажды человек-исполин и Курент поспорили между собой, кому из них обладать белым светом. Долго боролись они, изрыли ногами всю землю и сделали ее такою, какова она теперь: где прежде были широкие равнины, там появились высокие горы и глубокие пропасти. Ни тот ни другой не осилили противника. Тогда Курент взял виноградную лозу и стиснул так крепко, что из нее ударило вино; этим вином он упоил человека в то самое время, когда тот сидел на высокой горе за божьим столом. Вскоре воротился Бог и увидел человека, дремлющего за столом; разгневался Бог и сбросил его сильною рукою с горы вниз, отчего много лет лежал он разбитый и полумертвый. Когда человек выздоровел, сила его пропала: не мог он ни скакать через море, ни спускаться в глубь земли, ни восходить к небесному столу. Так завладел Курент светом и человеком, и люди с той поры сделались слабы и малы.

Эта история открывает, что некогда Курент был верховным богом. Лишенный права управлять всем миром, он интригует против Бога и человека. В современной христианской традиции он подобен Дьяволу – что ж, это удел всех древнейших божеств. Новые боги занимают их место, и люди зачисляют проигравших в воинство нечистой силы.

В греческой мифологии куреты известны как исторический народ! Одним из мест проживания куретов была Этолия – гористая местность в центральной части Греции. Согласно мифам, сюда, в страну куретов, бежал сын царя Этола, страшившийся мести. Убив здесь своих спасителей (трех сыновей Аполлона), он назвал землю в свою честь. «Илиада» (IX. 529–599) рассказывает об одном из столкновений этолийцев с куретами:

Брань была меж куретов и бранолюбивых этолян
Вкруг Калидона града, и яростно билися рати:
Мужи этольцы стояли за град Калидон, им любезный,
Мужи куреты пытались обитель их боем разрушить.

Название города буквально в точности воспроизводит имя русского бога Коляды. Град Калидон – один из тех, что выстроили куреты (предки русских) до прихода сюда греков. Как видим, у куретов были все основания диктовать свою волю. Некоторые источники утверждают, что Этол изгнал куретов в соседнюю Акарнанию, где существовала местность под названием Куретида. Название области Акарнания образовано от имени древнерусской богини Карны (карающей и укоряющей Девы), известной каждому из «Слова о полку Игореве». Имеются свидетельства и о куретах, проживавших на острове Эвбея (расположен у восточного побережья Центральной Греции). По свидетельствам Диодора Сицилийского (I в. до н. э.) и Страбона (ок. 64 г. до н. э. – ок. 20 г. н. э.), куреты считались зачинателями скотоводства, пчеловодства, охоты, металлургии, организаторами человеческого общежития и представителями необходимых для тех времен пророческого искусства и волшебства, как создатели особой мудрости.

Но главным местом сосредоточения куретов был все-таки Крит. По преданию, первым его царем был курет Крее. В древнерусском языке его имя совпадает с названием огня. Этот корень сохранился в слове «кресало» (приспособление для добывания огня), присутствует он и в слове «воскресение» (древние русичи, сжигая останки умерших, считали, что они воскреснут в Высшем мире). Огонь символизирует солнечный свет. В русском фольклоре великий князь именуется Владимиром Красное Солнышко. Эпитет «красное» здесь можно истолковывать не только в смысле красивое, прекрасное, но и кресное – огненное и воскресающее каждый день (т. е. вечное). Имя первого царя Крита может быть также связано и с тем, что он одновременно выступал в качестве верховного жреца и хранителя божественного огня. Куреты мыслились основателями многих критских городов, в том числе Кносса. Автор V в. из Александрии Гесихий прямо называет куретов «критским народом». По имени их народа и назван остров Крит.

В исторических сочинениях куреты фигурируют как карийцы. Геродот сообщает, что в глубокой древности они жили на островах и назывались лелегами, то есть поклоняющимися древнерусскому богу Лелю. Во времена критского царя Миноса (время расцвета критской культуры, приблизительно середина II тыс. до н. э.) подвластные ему карийцы были «самым могущественным народом на свете». Далее греческий историк пишет: «Карийцы изобрели три вещи, которые впоследствии переняли у них эллины. Так, они научили прикреплять к своим шлемам султаны, изображать на щитах эмблемы и первыми стали приделывать ручки на щитах (до тех пор все народы носили щиты без ручек и пользовались ими с помощью кожаных перевязей, надевая их на шею и на левое плечо). Затем, много времени спустя, карийцев изгнали с их островов дорийцы и ионяне, и таким образом они переселились на материк (в Малую Азию. – *АЛ*) (История I, 171). Область в Юго-Западной Анатолии, куда переместились карийцы, стала называться Кария. Карийцы участвовали в Троянской войне на стороне троянцев. Гомер говорит про них:

Настес вел говорящих наречием варварских каров,
Кои Милет занимали и Фтиров лесистую гору,
И Меандра поток, и Микала вершины крутые.

Настес – мужская форма имени Анастасия, что по-гречески значит «воскресение». Это заставляет вспомнить о первом критском царе Кресе. Кстати, имя лидийского царя, создавшего в середине VI в. до н. э. огромное многонациональное государство, куда в том числе вошли и карийцы, было также Крее (Крез).

Поэт особо выделяет тот факт, что карийцы говорили не по-гречески! Действительно, предки русских должны были изъясняться на каком-то варианте древнерусского наречия. Геродот упоминает, что карийцы жили и в Египте. Они служили наемниками в армиях египетских царей. Когда Псамметих I (665–609 гг. до н. э.) пожаловал за заслуги им земли, то свои поселения они назвали станами. Совсем как русские!

Карийцев в Малой Азии называли также хурритами (точь-в-точь куретами). Но об их истории речь впереди.

Глава 4

Марья Моревна и Ярила

*Мария, Дева-Мать! Ты любишь этих гор
Пещеры, и ключи, и пастбища над бором,
И дани роз Твоих от пастырей, чьим
взорам
Являешься, надев их бедных дев убор.*

*Пречистая, внемли! Не с ангельским
собором,
Клубящим по небу Твой звездный омофор,
Когда за всеобщей Тебя величит хор, —
Владычицей Земли предстань родным
просторам!*

В. Иванов

Марья Моревна – сказочный персонаж. В одноименной сказке из сборника Афанасьева ее именуют прекрасной королевой. Она не только красивая, но и сильная женщина, могучая богатырша и предводительница войска. Ей даже (каким-то чудом!) удалось пленить самого Кощея, который томился прикованным на двенадцати цепях в ее чулане. Правда, ему нельзя было давать пить вволю, как это сделал Иван. Обретя силу, Кощей разорвал цепи и вырвался на свободу, а уж в противостоянии один на один с ним не справиться никому. Так Марья Моревна стала пленницей Кощея.

Ранее уже говорилось, что сказочная героиня в данном случае играет роль богини плодородия, которая становится гостьей Кощеева подземного царства только на время холодов, когда у земледельцев наступает перерыв в их хозяйственной деятельности. Но что тогда означает ситуация с заточением самого Кощея в чулане Марьи Моревны?

Этот сюжет является отголоском очень древних времен матриархата. Изначально Марья Моревна, как одно из воплощений Великой богини, обладала властью над всеми божественными силами, в том числе и над Кощеем. Сказка, подчеркивая его подчиненность в ту эпоху, изображает Змея сидящим на цепи в доме у Марьи Моревны. Но в патриархальные времена их роли переменялись, и теперь уже Кощей диктует свою волю богине. Сказочное повествование соединило, таким образом, «осколки» двух разных мифов о Кошее и его возлюбленной Марье Моревне. Это замечательное свойство данной сказки! Она не только называет еще одно из имен Великой богини, под которым та почиталась нашими предками, она также свидетельствует о длительной истории любви к ней Кощея. История любовного треугольника Кощей – Марья – Иван весьма прозрачна и обыденна. Кощей – самый старший из них, он еще силен и могуч, но время его всевластия проходит. Уже родился и вырос бог следующего поколения, более молодой и сильный Иван. За ним будущее, и он должен стать новым мужем Великой богини.

В славянской мифологии Марья Моревна известна как Марена (Марана, Морена, Маржана, Маржена) – богиня, связанная с сезонными ритуалами умирания и воскресения природы, а также с ритуалами вызывания дождя. В весенних обрядах западных славян Мареной называлось соломенное чучело, которое топили, разрывали на части или сжигали. Подобный обряд в будущем должен был обеспечить урожай.

При характеристике Марены обычно отталкиваются от ассоциаций, вызываемых ее именем. В этом смысле очень показателен подход А.Н. Афанасьева, который считал, что Марена была главным олицетворением нечистой силы, что она – богиня смерти, зимы и ночи, имя ее родственно со словами: мрак, морок, мор – повальная болезнь, мора – тьма, марать, мары – носилки для покойников, мара – призрак, нечистый дух и т. д. Само по себе такое рассуждение кажется достаточно убедительным, но применительно к образу богини оно очень односторонне и потому в целом неверно.

Мы уже убедились на примерах Бабы-Яги и Кощея, что древние боги отнюдь не мыслились столь «одноцветными». Точно так же и богиню Марену нельзя изображать только в мрачных тонах. К примеру, польский хронист XV века Длугош отождествлял ее с римской Церерой. Напомним, что Церера – древнейшая богиня производительных сил земли, производства и созревания злаков, богиня материнства и брака, но она также и властительница подземного мира, насылавшая на людей безумие. Церера почиталась как хранительница сельской общины и защитница урожая от грабителей. Описание функций, которые приписывались этой богине, не оставляет сомнений, что римляне воспринимали ее как воплощение Великой богини. Польский исследователь, сопоставляя с ней Марену, восстанавливал истинное значение, которое придавали последней славяне. Рождение и смерть в природе – явления неразделимые. Это прекрасно ощущали жившие в единстве с ней древнейшие создатели мифологических образов. В Евангелии по этому поводу сказано: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Евангелие от Иоанна, XII, 24). Соломенное чучело олицетворяло зимнюю ипостась богини, его сожжение означало конец бесплодной зимы, победу сил плодородия и начало весеннего возрождения.

Академик Рыбаков обратил внимание, что в былине «Иван Годинович» в качестве невесты Кощея Трипетовича названа Анастасия, дочь черниговского боярина Димитрия. И имя, и отчество девушки – весьма знаменательны. Анастасия в переводе с греческого означает «воскресение», а имя Димитрий напрямую перекликается с одним из имен Великой богини – Деметрой. Авторы былины изменили имя супруги Кощея и переименовали сказочный сюжет: Анастасия до конца остается верной Кощею и помогает ему в борьбе против не любимого ею Ивана. Это необычный, прямо скажем, поворот событий. Похитителем девушки и насильником оказывается вовсе не Кощей, а Иван Годинович. Объяснить эту странность можно лишь единственным образом: создатели былины стремились восстановить (забытое к тому времени) первоначальное значение образа возлюбленной Кощея! При этом положительными героями выступают Кощей и Анастасия, а не их победитель.

И еще один аргумент. В христианстве имя Мария носит мать Спасителя – Богоматерь, давшая жизнь Христу и олицетворяющая светлые силы созидания. Правда, академическая наука полагает, что это имя образовано от древнееврейского «тага» – противиться, отвергать, а русские усвоили его после принятия христианства. Но здесь мы вправе задать вопрос – а как же быть с Марьей Моревной и Мареной? Эти языческие образы возникли внутри славянского сообщества задолго до каких бы то ни было контактов с семитическими народами! В действительности все было наоборот: евреи заимствовали имя Мария у наших предков, кстати, они считают исконно своими как раз его варианты – Мириам, Мирра. К тому же русский язык дает и истинный ключ к пониманию смысла этого имени.

Начнем с того, что Марья (Мария, Марья) означает буквально Ма(ть) Рея. Да-да, та самая титанида, дочь Геи и супруга Крона, которому она родила Гестию, Деметру, Геру, Аиду, Посейдона и Зевса. Рея – мать великих греческих богов, в период поздней Античности она отождествлялась с малоазийской Кибелой, именовавшейся Великой матерью богов, поэтому одна из форм обращения к ней могла звучать как «Мать Рея» (Ма Рея или просто Мария). Обителью Реи служил остров Крит. Египтяне называли его Ау-Мари по имени древ-

некритской богини *Magi*. Теперь очевидно, что Рея и *Magi* (Мария) суть разные имена одной и той же богини. Греческая Рея и русская Марья Моревна – воплощения Великой богини, они параллельные персонажи родственных мифологий, точно так же, как и их возлюбленные – Крон и Кощей. Но что означает имя Рея и в каком направлении шло заимствование?

Прежде чем ответить на этот вопрос, скажем, что в русской мифологии есть персонаж, который открывает изначальный смысл образа Реи. Кто из нас не помнит услышанного в детские годы сказочного зачина: «Жили-были Дед да Баба, да была у них Курочка Ряба. Снесла она яичко, да не простое, а золотое!» Тем не менее мало кто догадывается, что Курочка Ряба олицетворяет прародительницу мира, а прообразом снесенного ею золотого яичка является Космическое яйцо, символизирующее всю Вселенную. Золотым представляли Мировое яйцо древние арии, предки современных русских. Часть из них во II тыс. до н. э. с территории Русской равнины мигрировала в Индию, где создала самые древние книги человечества – Веды. Согласно ведийским текстам, Космическое (золотое) яйцо – место обитания Верховного божества, творца-прародителя мира Брахмы. Образовалось оно в результате истечения мужского семени в первичный океан. В русской сказке мифологические детали практически отсутствуют, но она сохранила образ божественной птицы, создавшей мир. Это указывает на то, что сказочный сюжет существенно древнее ведического. Более того, в сказке названо имя Великой богини – Ряба (Рья-ба или Рея-богиня). Слово рябок обозначает у русских «птицу куриного рода из числа лесной дичи», его последний слог фактически открывает свою исходную форму «бог», подтверждая тем самым нашу догадку. Вторую часть имени Ряба можно также истолковывать и как сокращение (укороченную форму) слова «баба», которое встречается в именах верховных божеств у самых разных народов. По всей видимости, в древности у индоевропейских народов слова «баба» и «бог» («богиня») использовались как синонимы, что можно рассматривать как воспоминание о культуре Великой богини.

И, наконец, о самом имени Рея. Прежде всего, обратим внимание, что изначальная форма древнерусского названия куропатки (рябки), о которой так много говорилось выше, выглядит как «ярябрь», «ерябрь». Значит, Рея – усеченный вариант имени, а его исходную форму следует искать среди слов с корнями «Яр» (с возможной трансформацией первой «я» на созвучную гласную). С этим замечанием задача поиска предельно упрощается, тем более что Яр (Ярила) едва ли не самый популярный бог древних русичей и славян, и значение его имени изучено «вдоль и поперек». Особенно выделим книгу Юрия Петухова «Дорогами богов», в которой данному вопросу посвящен отдельный параграф. Корень «Яр» совмещает в себе понятие весеннего света и теплоты, юной, стремительной, до неистовства возбужденной силы, любовной страсти, похотливости и плодородия – понятия, неразлучные с представлениями о весне и грозových явлениях. В имени Яра звучит и «ярость», и «ярение». Поэт Сергей Городецкий, автор цикла стихов «Ярь», так попытался воспроизвести обращение жриц к своему верховному божеству:

Ярила, Ярила
 Высокий Ярила,
 Твои мы.
 Яри нас, яри нас Очима.
 Конь в поле ярится,
 Уж князь заярится,
 Прискаче.
 Прискаче, пойме Любую.
 Ярила, Ярила,
 Ярую.
 Ярила, Ярила,

Твоя я!
Яри мя, яри мя,
Очима
Сверкая!

По-русски Яра – весна – время года, когда Природа возрождается в своем новом облике. Поэтому у нас есть все основания производить имя Матери богов Реи от слов «яра», «ярая», «ярена» (т. е. оплодотворенная и готовая плодоносить) и считать ее женской параллелью бога Яра (Ярилы). У русских и славян Великая богиня Яра – Рея со временем стала почитаться как Марена. Греки сохранили более древний (укороченный) вариант ее имени. Переход Яра – Рея полностью аналогичен разобранным выше превращению Яги в Гею.

Богиня Рея изначально представлялась в образе куро-птахи (куро-птахи). Не случайно ее свиту составляют куреты (петухи или, более расширительно, птахи). Древние греки изображали Рею, однако, уже антропоморфной, рожающей человекоподобных богов, следовательно, культ ее распространялся с севера на юг. Выше уже указывалось, что в индоевропейских языках слова с корневой основой «мар» («мор») обозначают понятия мрака и мороза. Это говорит в пользу того, что имя богини Марены (Марии) также зарождалось в северных (менее солнечных) странах и лишь вместе с переселенцами оттуда «пришло» на Балканы.

Народ, первым обосновавшийся на берегах Эгейского моря, древние авторы называли пеласгами. Собственно, греки начали обживать на этих территориях только в начале II тыс. до н. э. Пеласгический (до-греческий) миф творения отличается от того «олимпийского», который записал Гесиод. Согласно представлениям пеласгов, Эвринома, богиня всего сущего, восстала обнаженной из Хаоса и обнаружила, что ей не на что опереться. Поэтому она отделила небо от моря и начала свой одинокий танец над его волнами. В своем танце она продвигалась к югу, а за ее спиной трепетал ветер. Обернувшись, она поймала этот северный ветер, сжала его в своих ладонях, и перед ее глазами предстал великий змей Борей. Эвринома пробудила в нем желание, и он обвил ее божественные чресла, чтобы обладать ею. Затем она превратилась в голубку, села, подобно наседке, на волны и по прошествии положенного времени снесла Мировое яйцо. Данный вариант мифа творения содержит осколки чрезвычайно архаических представлений: Великая богиня в нем может оборачиваться птицей, а ее божественным супругом выступает олицетворяющий природные силы ветер. Но важнейшая его подробность заключается в указании пути движения богини с севера на юг. Это направление миграции народа пеласгов!

Теперь о богах, упоминаемых в пеласгическом мифе творения. Имя Борей не находит объяснения на греческой «почве», и за разъяснением его смысла, как мы это делали уже не раз, придется заглянуть в словарь русского языка. Борей называют русские ураганный ветер. Если ураган сопровождается метелью, то говорят о бурне (боране). Однокоренным для всех них будет слово «буря», которое в старину писалось как «боуря» (эта форма открывает путь перехода корня «бор» в «бур»). В русских сказках известен «прототип» Борей Буря-богатырь – победитель Чуда-юда. Ну а Эвринома? С этим именем ситуация сложнее: оно греческого происхождения и двусоставное. Вторая его часть образована от слова «nomaz» – кочующий. При переводе же первой необходимо учесть, что в греческом языке буквы «в» нет, а ее роль в данном случае играет «и» – «ипсилон», которую, согласно правилам произношения греческих букв, следовало бы прочесть как «и». Поэтому «Эври» есть не что иное, как искаженное при греческом написании имя Яры. И значит, Эвринома переводится как «кочующая Яра (Рея)». Нельзя не признать, что такой перевод идеально (!) соответствует содержанию пеласгического мифа творения. Итак, пеласги пришли в Грецию с севера и принесли на ее земли культ богини Яры. Сами себя они в честь своей верховной богини называли ариями. Время их прихода – середина IV тыс. до н. э.

Мужской параллелью Яры является Яр (или, в современном варианте произношения, Ярила). Яр – божество весеннего плодородия. Веселый и разгульный, этот бог страсти и удали представляется молодцем красоты неопишуемой; в белой епанче сидит он на белом коне, на русых кудрях сверкает цветочный венок, а в левой руке ржаные колосья. Он наделен богатырской силой и веселым характером: все, что передает животворящему лету весна, воплощается в нем по прихотливой воле суеверного человеческого воображения. Взглянет Ярила на встречного – тот без пива пьян, без хмеля – хмелен; встретится Яр-Хмель с девицей-красавицей – мигом ту в жар бросит: так бы на шею кому и кинулась. Белый конь, на котором восседает Ярила, – характерный атрибут бога солнца. Яр олицетворяет пробудившееся после долгих холодов солнце. В нем чувствуется, по преимуществу, жарко и плодотворно греющая, похотливая, фаллическая сторона божества. Праздник возвращения весны (рождения Яра) называется Юрьев день. Он приходится на 23 апреля. В Малороссии Яра (Юрия) именовали Урай, в Белоруссии – Рай, Раек. Как легко искажается и отпадает гласная в открытом слоге даже в русских говорах! Что уж говорить о чужеземных вариантах произношения наших имен! Русские солдаты, когда идут в атаку, криком «Ура» призывают помочь им бога Яра. Это наш (и никакой не татарский!) древнейший боевой клич. И в стародавние, и в нынешние времена он объединял защитников Руси.

Проводы Яра устраивались в разные сроки, но обычно ближе ко второй половине июня, на неделе перед Ивановым днем (24 июня). Празднование Ярилы, согласно поучениям против язычества, носило «разнузданный» характер, сопровождалось винопитием, фривольными играми и кулачными боями. Игрище в его честь заключалось обрядом погребения отживающего свой век, вместе с весною, бога. Служа исключительно выражением «припекающей» стороны солнца, вызывающей в природе похоть (ярь), сочетание полов и обильное плодородие, одряхлевший к концу весны, он изображался стариком или куклой с непомерно большим фаллосом: любезного бога чествовали, носили процессией, пели во хвалу его песни и, в заключение, с причитаниями, плачем и завываниями хоронили. Исследователь русского фольклора А.С. Фаминцын, автор книги «Божества древних славян», отмечал: «В Ярилиных игрищах воспроизводится в драматической, хотя, разумеется, более первобытно-деревенской форме, чем в Древней Греции, та же самая идея кончины представителя весеннего плодородия, возвратившего всю природу к новой жизни после зимнего сна, а затем, с наступлением высшего солнцестояния, удаляющегося, умирающего, уступая место возвращающейся зиме». Несколько странно, что исследователь в дальнейшем не развил свою мысль. Ведь если в России аналогичное празднество носило более древний характер, чем в античной Греции, то это могло означать только одно: истоки обряда похорон и последующего воскресения бога плодородия надо искать на севере.

Наш отечественный мифолог Г. Снегирев еще в XIX веке указал на близость образа Ярилы и греческого Эроса. Греки считали Эроса (Эрота) одним из древнейших богов. Высказывалось также мнение, что Эрос, высиденный из Мирового яйца, был первым из богов. Он творец мира (без него ничего бы не родилось!), многоискусный, владыка ключей эфира, неба, моря, земли, царства мертвых и Тартара. Для греков, создавших свой пантеон богов во второй половине II тыс. до н. э., Эрос представлялся уже незнакомцем, даже чужим, и потому не был включен в число олимпийцев. Известны изображения Эрота в виде крылатой «Злобы», в том смысле, что неуправляемое половое влечение может быть опасным для здорового общества. Гесиод относил его к числу четырех первоначал мира, наряду с Хаосом, Геей и Тартаром, но полагал некоей абстракцией. Более поздние поэты изображали его прекрасным юношей, поражающим своими стрелами сердца влюбленных. Однако даже в поздней Античности существовал архаический культ Эроса, которого почитали в виде необработанного камня (символа фаллоса). Добавим к этому, что крылья за спиной Эрота сохранились с тех «доисторических» времен, когда его мыслили сказочной птицей любви и срав-

нивали с северным ветром, оплодотворившим Великую богиню Яру. Эрос, таким образом, является греческой формой написания русского Яра. Другими словами, Эрос – это воспринятый греками русский бог Яр, а росами греки стали называть тех ариев, у которых позаимствовали его культ.

Арии в Средиземноморье

Теперь об ариях и их истории. Арийская общность выкристаллизовалась внутри более древней и обширной семьи индоевропейских народов, по крайней мере, уже к V–IV тыс. до н. э. Прародина ариев располагалась где-то между Днепром и Уральскими горами. Итак, Русская равнина – прародина ариев.

Главная река Русской равнины – Волга. Ее древнее название Ра перекликается с именем бога Яра (Урая, Рая). Оно, несомненно, арийского происхождения. Волга – краса и гордость России, «русский Нил» (В. Розанов). И не потому ли она так дорога русскому человеку, что именно вокруг нее зарождалась великая арийская цивилизация?

В момент выделения в среде индоевропейских народов ариев объединяла вера в верховного бога Яра. Позже единый арийский мир раскололся. Часть арийских племен (индоиранцы) покинули свою северную прародину и двинулись на юг и юго-восток. Со временем бог Яр превратился у них в Арьямана. Другая часть ариев устремилась на запад, к берегам

Днестра и Дуная. Они хранили наиболее древний слой арийской мифологии и почитали Яра под его первоначальным именем.

Прежнее название Дуная – Петр – означает «Есть Яр». Имя Днестр представляет сочетание уже трех слов «Дану есть Яр» (Дану по-арийски «река»). Оба названия связаны с именем бога Яра, следовательно, арии жили в бассейне этих рек. Более того, поскольку название Днестра сохранилось до наших дней, можно заключить, что Приднестровье было одним из крупнейших центров концентрации ариев. Причерноморские области, включавшие междуречье Дуная и Днестра, и Поднепровье стали второй (причерноморской) прародиной ариев-росов. Здесь они вступили в непосредственный контакт с праславянами. Пра-славяне были первыми из индоевропейцев, воспринявших в значительной степени культуру ариев, поэтому они так близки русским по языку и культуре.

Территориально область второй прародины совпадает с ареалом трипольской археологической культуры. Академик Рыбаков установил ряд параллелей между трипольской живописью и гимнами «Ригведы» – древнейшей из «Вед». Это указывает на былое единство трипольцев и ариев.

Во второй половине IV тыс. до н. э. арийские племена, двигаясь из-за Дуная, пришли в Грецию. Именно они принесли на эти земли культ Яра-Эроса. Другой путь миграции ариев Дунай-Днестровского междуречья был направлен в Малую Азию и на Ближний Восток. В Коране (25:40; 50:12) упоминается древний народ Аравии «обитатели ар-Расса» (России!), которые не поверили пророку. В египетских надписях II тыс. до н. э. многократно упоминается соседняя страна Русена. В Библии Палестина часто называется «Ерез», «Арзону», что обычно переводится как «страна», «наша страна». Но древнееврейское письмо не имело гласных, поэтому эти названия можно читать как «Русь» («Эрос»), «Русена» с глухой «с» вместо звонкой «з» и переводить как «страна любви». Хетты (народ, проживавший на территории современной Турции) в своих клинописных табличках называли ее Арсава, она была их малоазийским соседом. Итак, самые разные источники указывают на существование ближневосточно-малоазийской Руси.

Первое упоминание Русены у египтян относится ко времени Среднего царства (XII династия, XX–XIX вв. до н. э.). Однако дату их знакомства с ариями необходимо еще далее отодвинуть в глубь времен. Египтяне поклонялись богу солнца Ра. Центр его культа – город Пуну вблизи нынешнего Каира. Он воплощался в образе сокола и изображался в виде человека с головой сокола, увенчанной солнечным диском. Фетиш Ра – фаллосоподобный столб-obelisk «Бенбен», отличительный знак бога плодородия. Согласно мифу, днем Ра, освещая землю, плывет по небесному Нилу, вечером спускается в преисподнюю, где, сражаясь с силами мрака, преодолевает подземный участок реки, а утром вновь появляется на горизонте. С возвышением V династии (XXVI–XXV вв. до н. э.), происходившей из Пуну, Ра стал главным богом пантеона, и его культ приобрел общеегипетский характер. Ра стали считать создателем мира и людей, отцом богов, отцом фараона. В боге Ра нельзя не признать русского Яра: оба они непосредственно связаны с солнцем, оба олицетворяют пробуждение (воскресение) новой жизни; наконец, совпадают их имена (в египетском письме также отсутствовали гласные). Египтяне унаследовали бога Ра от арийцев, поселившихся в дельте Нила. Арийцы создали здесь государство и были в числе первых его фараонов.

Путь ариев в Египет проходил через Малую Азию (п-ов Анатолия), Сирию и Палестину. На этих территориях остались «следы» былого присутствия ариев. Название главной реки Палестины – Иордан – означает Яр-река, или река ариев, а имя ее столицы – Иерусалим – в переводе с древнееврейского значит «мир Яра». Один из богов, играющий в семитских мифах роль верховного владыки, носит имя Астар. Оно образовано соединением двух арийских слов: «асте» (есть) и «Ар» (Яр). Астар – это тот же Яр, культ которого арии принесли в Палестину. Жена Астара – Астарта (богиня любви и плодородия) – его женское воплоще-

ние. Астар являлся верховным божеством также в йеменской мифологии. Мифологические энциклопедии и словари, повинуюсь академической традиции, называют этих богов семитскими. Но имена однозначно свидетельствуют об их индоевропейской природе и связи с ариями, которых в Палестине называли арамеями. В английском языке слово «арамеи» пишется как «aramaens», в котором без труда узнается чуть искаженное словосочетание «люди-арии». Название полуострова Аравия происходит от русского корня «Яр». Все это территории, куда в конце IV – начале III тыс. до н. э. пришли со своей северной прародины арии.

Обычно говорят, что движение ариев на юг осуществлялось в направлении Урал – Аральское море – Средняя Азия – Иран, Индия и датируют время этой миграции началом II тыс. до н. э. Мы же со своей стороны утверждаем, что существенно раньше по времени происходило переселение части ариев по маршруту Днепр – Балканы – Греция, Египет, Малая Азия, Аравия. Взглянем, например, на политическую карту Аравийского полуострова. В названиях государств Оман, Йемен присутствует корень «ман» («мен»), так же как и в имени столицы Иордании – Аммане. Но Ману – это первый человек, прародитель людей в учении ариев! Название столицы Саудовской Аравии – Эр-Рияд, как его ни переводят, также демонстрирует нерасторжимую связь с корнем «Яр». В Йемене, примерно в 30 километрах к юго-востоку от столицы Саны, находится местность с названием Биляд-эр-Рус, что дословно переводится с арабского как «Страна Русских», а огромный солончак в том же районе именуется Аба-эр-Рус, что означает «Отцы Русских».

Для историков до сих пор неразрешимой загадкой остается возникновение в южной части Месопотамии (междуречья Тигра и Евфрата) шумерской цивилизации. Но один из важнейших городов-государств Шумера называется ни больше ни меньше как Ур. В России не счесть деревень, в названиях которых фигурирует слово «Яр». Чаще всего это Красный (т. е. красивый, прекрасный) Яр. Есть и города Красноярск и Ярославль. Ни одна земля в мире не содержит столько населенных Яров, как Россия. По-русски «яр» употребляется в значении «круча», «обрыв», «подмытый и обрушенный берег». В древности именно на этих местах и строили поселения и города. Таким образом, Ур – это Яр, это город, отстроенный пришедшими в Двуречье ариями. Тот же самый корень присутствует в названиях еще двух шумерских городов-государств – Урук и Эриду. В поэзии древних шумеров упоминается далекая страна Аратта, с которой они поддерживали связи:

Зубцы Аратты – лазурит зеленый,
Стена и башни – глянцево-красные,
Глина ее – оловянные слитки —
«небесная глина»,
Что добыта в горах лесистых.

Имя Аратта здесь – безусловное указание на страну древних ариев. Локализовать ее однозначно очень трудно, из отрывка ясно только, что она богата полезными ископаемыми, добываемыми в сравнительно невысоких («лесистых») горах. Правда, зеленый лазурит вполне может оказаться уральским малахитом, а «стены и башни» Аратты – укреплениями Аркаима (город II тыс. до н. э. на территории Челябинской области). Но более вероятно, что Аратта – это уже упоминавшаяся страна Арсава.

В аккадском эпосе (Аккад – один из городов Месопотамии) фигурирует богиня Аруру – создательница людей, определявшая их судьбы. Ее имя происходит от древнерусской корневой основы «яр». В сущности, Аруру – это та же Великая богиня Яра, культ которой принесли в Междуречье арии. Время их появления здесь – приблизительно рубеж IV и III тыс. до н. э. Центральное женское божество в аккадской мифологии – богиня Иштар. Мифологи отождествляют ее с Астартой, мы же добавим к этому, что прообраз и той и другой – наша

Яра (или по-шумерски Аруру). Иштар почиталась во многих центрах Южного и Северного Двуречья, а также в ряде соседних областей Передней Азии, где ее имя произносилось с искажениями (Иш-хара, Ашхара, Эшхара, Ужхара).

В первой половине III тыс. до н. э. арии контролировали Балканы, Крит, Малую Азию, Аравию, Египет и Месопотамию – и можно говорить о существовании огромной «империи» ариев, существовавшей в III тыс. до н. э. Они не составляли большинства населения в ее окраинных частях, и поэтому со временем их позиции там стали ослабевать. Исход арийских племен из Египта совпал, по-видимому, со временем распада Древнего царства на множество независимых областей (около XXII в. до н. э.). Фараонам Среднего царства уже известна граничащая с Египтом страна Русена. Ее границы охватывали Палестину, часть прилегающей к ней Сирии и юго-западные области Анатолии. Арсава-Русена была центром, который «питал» и поддерживал ариев, проживавших на периферии империи. Но со временем влияние ариев в подчиненных им странах начало ослабевать. С возвышением во второй половине III тыс. до н. э. Аккада там особое значение приобрел бог войны и чумы Эрра. Аккадцы писали это имя без принятого у них обозначения бога, что подчеркивало его чужеземность. Семитские племена не хотели мириться с ведущей ролью ариев, они сравнивали северян-переселенцев с чумой и планомерно пытались вытеснить их из Месопотамии. Арийцы, в свою очередь, противодействовали этой политике. Одно из их племен, которое называлось амореи (аморриты, амурру), в конце III тыс. до н. э., выдвинувшись из Палестины, завоевало все Двуречье. Свое название они получили по имени верховного бога Марту. По месопотамским представлениям, Марту – громовержец, насылающий бурю, кочевник и варвар. Он является мужской параллелью Морены (Марии), а у современных русских известен до сих пор как... Дед Мороз.

Морозко (Мороз) – бог зимы и холодов. В славянских преданиях морозы отождествлялись с бурными зимними ветрами: дуновение Мороза производит сильную стужу, снежные облака – его волосы. Накануне Рождества Морозку кликали: «Мороз, Мороз! Приходи кисель есть! Мороз, Мороз! Не бей наш овес, лен да конопля в землю вколоти!» Н.А. Некрасов писал об этом персонаже:

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Северные области России – царство Деда Мороза – были прародиной древних ариев. Их религиозные книги – древнеиндийские Веда и древнеиранская Авеста – свидетельствуют о том, что ариям были знакомы представления о полярной ночи. В Авесте есть воспоминание о том, что родина ариев была некогда светлой и прекрасной страной, но злой демон наслал на нее холод и снег, которые поражали ее ежегодно на 10 месяцев, солнце всходило лишь один раз, и сам год превратился в одну ночь и один день. По совету богов люди ушли отсюда навсегда. Но память о далеком севере жила в их памяти. В иранской мифологии Мартья и Мартьянаг – первая человеческая пара, их имена соотносятся с Морозом и Мареной, властвующими на их далекой прародине. В ведической и индуистской мифологии Маруты (южные «Морозы») – божества бури, ветра, грома и молнии, а Мара буддистской мифологии – точная копия русской Марены.

В 1900–1850 гг. до н. э. в Месопотамии образовался ряд государств во главе с аморейскими династиями, каждая из которых поддерживалась отдельным племенем или союзом племен. Политическим идеалом таких династий было государство III династии Ура, и они старались показать себя законными преемниками его власти, присваивая себе пышную

титулатуру урских (арийских по происхождению!) царей. На деле власть большинства таких правителей была эфемерной, и независимость они сохраняли лишь до тех пор, пока кто-либо из соседей, опирающихся на более сильные и богатые племена, не лишал их независимости. С многолетними междоусобицами, однако, покончил вавилонский царь Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.), который создал единое государство, включавшее всю Нижнюю и большую часть Верхней Месопотамии со столицей в Вавилоне. Марту (под именем Мардук) становится центральным божеством вавилонского пантеона и главным богом города Вавилон. Амореи, таким образом, сумели восстановить арийское влияние в Двуречье.

Но в середине XVII в. до н. э. в самом центре Малой Азии (полуострова Анатолия) у них появился очень сильный противник – хетты. Государство хеттов возникло в результате слияния пришлых индоевропейцев (неарийцев) с местными племенами, находившимися до того времени под властью арийцев. Соседи Арсава, хетты, связывали с ариями реальную военную угрозу для их государства, отчего и называли своего бога войны Ярри. Этот пример наглядно показывает, что, с одной стороны, хетты испытали непосредственное влияние языка и культуры ариев (заимствование имени бога), а с другой – с некоторых пор захотели выступать независимой от ариев силой (изменили смысл образа бога Яра). Первый хеттский царь Лабарна отвоевал у Арсава часть средиземноморского побережья. При этом хетты присоединили к себе ряд городов-царств в Северной Сирии и проникли в Палестину. Предел этой экспансии положили воины страны Митанни.

Государство Митанни возникло на территории Северной Месопотамии в начале II тыс. до н. э. Его создателем стало одно из хурритских племен – маитгане, от имени которого и произошло название страны. В предыдущей главе мы уже упомянули, что хурриты (куреты, карийцы) – это арийцы, перебравшиеся в Малую Азию под давлением греков-ахейцев. Кроме того, исследователи полагают, что на земли Митанни переселилась значительная часть ариев из южнорусских степей. «Северяне» значительно усилили военную мощь государства Митанни. Они (вместе с другими племенами своей страны) выступили союзниками Арсава в ее борьбе с египтянами и хеттами. Митаннийцы отвоевали у хеттов все спорные территории и в буквальном смысле поставили их на место. Однако сразу же вслед за этим египтяне поработили Палестину, Финикию и вторглись в Сирию. Жители этих земель частью попали под египетское иго, но большинство их отступило к малоазийским пределам Арсава (западная часть Анатолии) или влилось в число митаннийцев – многонационального государства, которым управляли арии. В это же время хетты сначала с помощью политических интриг, а затем военным путем попытались присоединить к себе Арсаву, но были наголову разбиты. Власть ариев после этого распространилась на всю Малую Азию. Признавая это, египетский фараон Аменхотеп III (XV в. до н. э.) попросил руки и женился на дочери царя Арсава. В свою очередь, митаннийцы установили гегемонию в Северной Сирии. Их влияние распространилось вплоть до Палестины, где в XV–XIV вв. до н. э. встречаются правители с арийскими именами. После ряда серьезных столкновений с Египтом митаннийские цари вступают в дружбу с фараонами и скрепляют ее династическими браками.

В период XIV–XIII вв. до н. э. малоазийский полуостров представлял «бурлящий котел». В отношения между хеттами и Арсавой в качестве третьей силы вклинились греки-ахейцы. К тому времени они уже вытеснили ариев с материковой части Греции, Крита и, завоевав часть Юго-Западной Анатолии, пытались установить контроль над всем побережьем полуострова. Хетты, в свою очередь, в середине XIV в. до н. э. разгромили митаннийцев. После этого нашествия государство Митанни вступает в полосу смут и раздоров. В ходе борьбы за высший престол арии утрачивают здесь свои позиции: с середины XIII в. до н. э. среди имен митаннийской знати пропадают арийские имена.

Арсаву возглавляла союз малоазийских государств. В состав «стран Арсава» входила и Троада – область города Трои (Илиона). Хетты, умело используя противоречия между чле-

нами союза, в конце XIV в. до н. э. покорили страны Арсавы и обложили их данью. Только царь Мурсили II привел оттуда 66 тысяч пленных. Часть из этих депортированных обращали в рабов различных категорий, других поселяли в качестве обязанных повинностью подданных хеттского царя. Однако хеттам не удалось ни разрушить единства ариев, ни сломить их волю к сопротивлению. К середине XIII в. до н. э., когда непрерывные военные походы истощили экономику хеттов и разорили их хозяйство, страны Арсавы обрели независимость. Но впереди уже маячил призрак Троянской войны, которая стала последней битвой государства Арсава. Гибель Трои символизирует его крушение. Две с лишним тысячи лет арии были одной из влиятельнейших сил Средиземноморья. Они стояли у истоков египетской, критской и шумерской цивилизаций, выстроили целую цепь приморских городов, ставших центрами международной торговли, были первыми учителями семитов. И совершенно закономерно, что с падением Арсавы в Анатолии наступили «темные века».

Глава 5

Иван-не-дурак

*Гляжу в озера синие,
В полях ромашки рву...
Зову тебя Россиею,
Единственной зову.
Спроси-переспроси меня —
Милее нет земли.
Меня здесь русским именем
Когда-то нарекли.*

.....

*Красу твою не старили
Ни годы, ни беда.
Иванами да Марьями
Гордилась ты всегда.
Не все вернулись соколы —
Кто жив, а кто убит...
Но слава их высокая
Тебе принадлежит.*

И. Шаферан

Большинство наших соотечественников относится к сказочному Ивану предельно иронично и даже уничижительно. Прозвище «дурак» выставляется ими в качестве визитной карточки героя. Между тем действительный смысл этого мифологического персонажа намного глубже и интереснее.

Иван – «первочеловек», основатель культурной традиции, демиург в том смысле, что совершенные им деяния как бы приравниваются по значению к космологическим актам, непосредственно продолжают их на человеческом уровне. Память об Иване как русском боге хранят сказки об Иване, коровьем сыне и Иване Быковиче. Эти «сказочные богатыри, изумляющие нас громадными силами и размерами, воплощают в своих человеческих образах грозные явления природы; оттого они растут не по дням, не по часам, а по минутам – так же быстро, как быстро надвигаются на небо громовые тучи и вздымаются вихри. Быстрота полета бурной дожденосной тучи заставила фантазию сравнивать ее с легконогим конем, проливаемые ею потоки дождя повели к сближению тучи с дойною коровою... Поэтому Буря-богатырь, коровьин сын, есть собственно сын тучи, то есть молния или божество грома – славянский Перун, скандинавский Тор: понятно, что удары его должны быть страшны и неотразимы. Перун (Тор) вел постоянную борьбу с великанами-тучами, разбивал их своею боевою палицей и меткими стрелами; точно то же свидетельствует сказка об Иване, коровьем сыне, заставляя его побивать многоглавых, сыплющих искры огненных змеев» (*Афанасьев АН. Поэтические воззрения славян на природу*). Иван – главный (!) персонаж русского сказочного фольклора, и это не случайное совпадение. Он – один из наших первобогов.

В этом смысле важное значение приобретает сюжет борьбы Ивана с Кощею, отраженный в сказке «Марья Моревна». Иван – более юный бог, бог следующего поколения. Он не сильнее Кощея, в очном поединке тот трижды победил его и, устав прощать, «изрубил его в мелкие куски и поклат в смоленую бочку; взял эту бочку, скрепил железными обручами

и бросил в синее море, а Марью Моревну увез к себе». Спасли Ивана его зятя, доставшие живую и мертвую воду. Чудесное воскрешение Ивана сродни мифам об умирающем и воскресающем боге, широко распространенным, главным образом, в Средиземноморье и Малой Азии. Возвращенный к жизни Иван побеждает уже не столько за счет силы, сколько благодаря смекалке и поддержке друзей-животных. В данной сказке это богатырский конь, убивающий ударом копыта Кощея, в других же, где Иван добывает заветное яйцо жизни, ему служат самые разные звери: птицы, рыбы и т. д. Кощея побеждают, что называется, всем миром, он попросту вынужден «уступить» свою роль хранителя Великой богини более молодому сопернику. Причем Кощей, подчеркнем еще раз, совсем не похож на отъявленного злодея. В былинке «Иван Годинович», где изложен несколько иной вариант противоборства Ивана и Кощея, Марья Моревна выступает его помощницей и погибает от меча Ивана как изменница.

Греческой параллелью бога Вани служит Фанет (Фанес) – божество света, сияющий бог, которого греки отождествляли с Эросом. Согласно орфическому мифу творения, чернокрылая Ночь, богиня, перед которой трепетал даже Зевс, ответила на ухаживания Ветра и снесла в чрево Темноты серебряное яйцо. Фанет был высижен из этого яйца и привел Вселенную в движение. Он был двуполым, за спиной его были золотые крылья, а четыре его головы могли издавать бычий рев, львиное рычание, шипение змеи и бляение барана. Фанет создал землю и небесные светила, но миром продолжала править Ночь. Миф о Фанете можно интерпретировать как символическое описание грозowych явлений. Гроза связана с наступлением Темноты, воцарением в мире Ночи, торжеством Хаоса, безудержной пляской Ветра и огненными молниями Грома, разделяющего (выковывающего) землю и небо. Яйцо, из которого родился демиург, хранит небесный огонь и светит в ночи подобно луне. Наконец, рев четырех голов Фанета олицетворяет шум грозовой бури, он тоже (как и Иван) Буря-богатырь, верховный бог-громовержец.

Современная традиция выводит имя Иван от еврейского Иоханан («бог смилостивился») и датирует его восприятие русскими временем проникновения христианства в Европу. Но миф о Буре-богатыре, боге-громовнике Иване возник, когда евреи еще не пришли в Палестину, а предки русских (арии) поминали Ивана в своих песнях в купальскую ночь задолго до Рождества Христова. Сама Библия называет Иавана сыном Иафета, прародителя русских и славян, но не Сима, отца семитов. Иван – древний бог русского народа, это родовое имя русских, и не подлежит сомнению, что евреи заимствовали его у русских, а не наоборот.

В эпоху эллинизма греки уже не различали Фанета и Диониса, также двуполого и принимавшего в различных ситуациях обличье быка, льва, змеи и барана. Вакханки во время дионисийских празднеств восклицали «Эван», помяная тем самым предка Фанета – Ивана. На Руси этот праздник известен под названием Иванов день, или день Ивана Купалы. Простой народ в Ярославской, Тверской и Нижегородской губерниях называл Иванов день Ярилою. Иван и Ярило, в самом деле, удивительно схожи между собой. Что ни сказка про Ивана, то непременно он добывает невесту, а в истории женитьбы на Царевне-лягушке со своим луком и стрелами он и внешне схож с Эротом. А чего стоит только название нашей знаменитой игрушки ванька-встанька! Как тут не вспомнить об древнейшем культе мужской эротической силы! Иван – русский Эрос, но только он не невинный юноша, не порождение целомудренной фантазии эллинского философа, а герой, царствующий в мире силою любви.

Итак, мы имеем цепочку отождествлений:

ЯР (ЯРИЛО) = ВАНЯ (ИВАН) = ФАНЕТ (ФАНЕС) = ЭРОС

Имена этих богов открывают нам, как называли русских в древности. Ранее мы уже указали параллели Яр – арии, Эрос – росы. Альтернативным самоназванием ариев было

ваны. Греки и римляне именовали их, однако, несколько по-другому. Греческие имена Фанет и Фанес образованы от корня «Ван». Искажение в начале слова возникло из-за того, что в греческом языке буква «в» отсутствует. В дошедших до нас вариантах ее заменяет «ф», но с грамматической точки зрения правильнее на первое место поставить гласную «и» (греческую букву «ипсилон»). В таком случае с формой Фанес связано название ионийцы, а с Фанетом имена анты и энеты (римляне называли последних венеты или венеды, восстанавливая «в»). В итоге высвечивается следующая цепочка разных имен, под которыми древние росы упоминаются в исторических сочинениях:

АРИИ = ВАНЫ, ИОНИЙЦЫ, ВЕНЕТЫ, АНТЫ = РОСЫ

Она отражает три взаимосвязанных периода нашей истории. Самый ранний из них – арийский – относится ко времени выделения ариев в среде других индоевропейских народов и их последующего движения со своей северной прародине в Индию, Иран, страны Средиземноморья и Северную Европу. Следующий период – «античный» – включает в себя историю той группы ариев, которые пришли в Азию и Европу и которых стали называть ванами, венетами, ионийцами или антами. В конечном итоге все они, правда разными путями, возвратились на земли своих далеких предков, где и создали единое Русское государство. Со временем его строительства и более чем 1000-летним существованием естественно соотносить третий этап российской истории.

В предыдущей главе мы вкратце коснулись истории ариев в Средиземноморье. Чуть позже мы вновь вернемся к этому вопросу, чтобы узнать об их судьбе после Троянской войны. Но прежде имеет смысл поговорить о международных «связях» Ивана. Мы уже отметили след, оставленный им в греческой мифологии. Обратим теперь свой взор к землям Египта, в царство бога Ра. Его душой считался бог Бену. Согласно мифу, он появился на возникшем из водного хаоса камне-обелиске «Бенбен», что знаменовало начало Сотворения мира. Бену – символ воскресения и вечной жизни. Его общий с Ра фетиш (фаллический символ) заставляет вспомнить об архаическом культе Эроса. Имя же Бену является искаженным при заимствовании вариантом имени Ваня. Мы вновь приходим к идее взаимосвязи Яра и Ивана, отмеченной ранее у русских и греков. Арии придумали этих богов как независимые воплощения верховного бога, но впоследствии их образы стали взаимозаменяемыми. В «Текстах пирамид» говорится о Ра, как о золотом теленке, рожденном короной-небом. Известен миф, согласно которому Ра возник из огненного острова, давшего ему силу уничтожить хаос и мрак и создать в мире порядок, основанный на истине и справедливости. Как тут не вспомнить Ивана, коровьего сына или Фанета? К тому же название города Иуну (центра культа Ра), учитывая сложности воспроизведения арийской «в» у народов Средиземноморья, можно прочесть как Ван – город бога Вани (Бену).

Бога Бену египтяне представляли в виде птицы. Древние греки называли его Фениксом – волшебной птицей, имеющей вид орла и великолепную окраску красно-золотых и огненных тонов. Предвидя свой конец, Феникс сжигает себя в гнезде, полном ароматических трав, но здесь же из пепла рождается новое его воплощение. По версии, изложенной Геродотом, Феникс из Аравии переносит прах отца в яйцо, вылепленном из смирны, в Египет, где жрецы сжигают его. Сюжет чудесного преображения птичьих останков обыгрывается в русской сказке «Перышко Финиста – Ясного сокола». Перо, подаренное девушке, каждую ночь превращается в прекрасного царевича. Но оно может оборачиваться и соколом и летать по небесью. Имя сокола – Финист – представляет собой искаженное греческое Феникс (древнерусское «финике»). Но ведь Финист – Ясный сокол не кто иной, как Иван, коровий сын, который может перевоплощаться в сокола. Вырисовывается, таким образом, интереснейшая линия заимствований:

ВАНЯ → БЕНУ, ФЕНИКС → ФИНИСТ

Образ бога Ивана, придя с Русской равнины на земли Египта и Греции, вернулся назад под новым, хотя и вполне узнаваемым, прозвищем. Этот пример наглядно подтверждает, что пришедшие в Средиземноморье арии впоследствии частично возвратились на земли своих предков.

Имя Феникс перекликается с названием Финикия – древней страны на побережье Средиземного моря. Она была частью страны Ханаан, включавшей также территории современных Палестины и Сирии. Ханаан является еврейским аналогом слова Ван (напомним, что лингвисты соотносят имя Иван с еврейским Иоханан) и означает «страна Ван». Библия называет хананеев (ванов) первоначальными жителями Палестины, поселившимися там ранее семитских племен. Согласно древней традиции, хананеи перебрались туда из Египта, что прекрасно вписывается в нашу картину истории ариев. В III тыс. до н. э. в Восточном Средиземноморье существовало три большие группы племен: арамеи, амореи и хананеи. Первые из них выделяли в качестве главных богов Яра (Астарота) и Яру (Астарту), вторые – Марту, а третьи – Ивана. Все они были потомками ариев. Но современные ученые в силу сложившейся традиции называют их западными семитами. Это в корне неверно! Другое дело, что древние арии, подобно современным русским, никогда не исповедовали национализм. Наоборот, они всегда были открыты миру, другим народам, они не препятствовали смешанным бракам и никогда не выставляли принцип крови в качестве основополагающего закона общежития. Вот почему семиты, и об этом свидетельствует Библия (!), спокойно проживали в Уре среди амореев и гостеприимно были встречены арамеями и хананеями, когда стали переселяться оттуда в Ханаан. Другое дело, что сами семиты хотели безраздельно владеть этими землями. Раскроем книгу Бытие (15, 13–20): «И сказал Господь Авраму: знай, что потомки твои будут пришельцами в земле не своей, и поработят их, и будут угнетать их четыреста лет, но Я произведу суд над народом, у которого они будут в порабощении; после сего они выйдут сюда с большим имуществом... в четвертом роде возвратятся они сюда (в халдейский Ур. – А А): ибо мера беззаконий Амореев доселе еще не наполнилась... В этот день заключил Господь завет с Аврамом, сказав: потомству твоему даю Я землю сию, от реки Египетской до великой реки, реки Евфрата: Кенеев, Кенезеев, Кедмонеев, Хеттеев, Ферезеев, Рефаимов, Аморреев, Хананеев, [Евеев], Гергесеев и Иевуссеев». Этот отрывок оказывается чрезвычайно насыщенным информацией. Во-первых, за «беззакония амореев» должны будут расплатиться и другие племена, что несколько необычно с точки зрения современной морали и международного права. Скорей всего, все они поддерживали политику амореев в Уре или были их союзниками, но и тогда аппетиты отмщения безумно велики. Во-вторых, Господь ни словом не обмолвился, что Кенеи, Кенезеи и иже с ними угрожают или вообще хотят иметь какие-либо контакты с потомками Аврама, об этом нет и речи. Евреи сами придут, и их не прогонят! Причем они хотят отомстить не только своим угнетателям, но и родственным им племенам. И, наконец, в-третьих, мы узнаем, что в Ханаане было множество племен, которые мирно уживались с ариями. Среди них были и те западносемитские народы, которые проживали здесь до прихода ариев и тоже участвовали в создании самобытной ближневосточной цивилизации. Со временем этносы перемешались. И то, что ученые принимают арамеев, амореев и хананеев за семитов, является вполне понятным, но совершенно недопустимым заблуждением.

Союз трех арийских племен долгое время определял всю политику в Восточном Средиземноморье. Даже после разрыва дружеских отношений с Арсавай и Митанни высшая знать хеттов продолжала поклоняться богу Лельвани, символизировавшему союз Леля и Вани, ставшего, правда, в силу своей чужеродности у них богом подземного мира. Но силы ариев

постепенно таяли. Народы, составлявшие их «империю», стремились к самостоятельности. Они вытесняли ариев со своих земель, и к концу XIII в. до н. э. оказались в кольце врагов: хеттов, ассирийцев, египтян, евреев и греков. Последние взяли на себя роль добить раненого зверя у него в логове. Эта война запомнилась миру как Троянская.

Во время осады Трои ахейцами главным советником царя троянцев Приама был Антенор. В переводе с греческого его имя означает Ант-муж, то есть предводитель народа антов (венетов). Два его сына вместе с легендарным Энеем, сыном Афродиты (братом Эроса!), предводительствуют над дарданцами. Эней – одна из греческих форм написания Вани. В полном соответствии с русскими сказками он сын богини любви, воплощения Великой богини. Третий сын Антенора был одним из вождей ликийцев, а четвертый привел дружину из Фракии. Всего Гомер упоминает об 11 его сыновьях, все они бьются с ахейцами. Местом постоянного проживания венетов ко времени войны была причерноморская область Пафлагония к востоку от Трои. Во главе их отряда, пришедшего под Трою, стоял Пилемен. Два его сына верховодили ратью меонийцев – народа, занимавшего земли к югу от Трои. Из всего перечисленного становится ясно, что венеты (анты) осуществляли руководство Троянской армией. Обобщая это наблюдение, можно утверждать, что, подобно русским в России, венеты выступали государствообразующей нацией Арсава, живой опорой «империи».

После поражения в войне арии покидали малоазийский полуостров несколькими путями. Часть из них сконцентрировалась вокруг озера Ван и создала Байское царство. Оно стало центром государства Урарту, занимавшего все Армянское нагорье. Название страны Армения, то есть страна мужей-ариев, говорит о пребывании на ее земле арийцев.

Вторая группа венетов Арсава, возглавляемая Антенором, переправилась на северо-западное побережье Адриатического моря. Рассказывая о событиях III–II вв. до н. э. в Северной Италии, древнегреческий историк Полибий упоминает об «очень древнем» племени венетов, обитающем вдоль реки Пад (современная По). Он отмечает, что в отношении нравов и одежды потомки спутников Антенора «мало отличаются от кельтов, но языком говорят особым. Писатели трагедий упоминают часто об этом народе и рассказывают о нем много чудес». Одним из таких чудес стал город Венеция.

Схема исхода венетов из Малой Азии

Маршрут третьей, видимо, самой многочисленной, группы венетов-троянцев вырисовывается при изучении современной карты причерноморских государств. С выходами из Трои связаны следующие топонимы – города Троян в Болгарии, Траян в Румынии, два Тростянца (станы троянцев), Трихаты (хаты Трои) на Украине. Там же располагался летописный Треполь, или русская Троя («полис» – по-гречески «город»). Между легендарной Троей и древнерусским Треполем обнаруживается сразу несколько поселений со схожим, а фактически с одним и тем же названием. Они, подобно маякам, обозначают воспетую в «Слове о полку Игореве» знаменитую «тропу Трояню» – путь, по которому древние русичи-арии возвращались на свою прародину.

Археологи установили, что в эпоху бытования в Среднем Поднепровье чернолесской культуры (X–VII вв. до н. э.) пашенное земледелие становится ведущим в системе хозяйства, на смену привозной, и потому малоупотреблявшейся, бронзе приходит выплавка железа из местной болотной и озерной руды. Использование железа произвело подлинный переворот в хозяйстве и военном деле местных племен. Люди, жившие практически в каменном веке, сразу вступили в век металла. У нас есть все основания предположить, что экономический скачок в развитии жителей Поднепровья связан с появлением здесь малоазийских венетов. В этот же период у земледельческих племен Среднего Поднепровья возникает целая система укрепленных городищ. Но ведь всему Древнему миру венеты были известны как выдающиеся градостроители – достаточно вспомнить Венецию.

Ареал расселения венетов не ограничивался областью Среднего Поднепровья. В карело-финской мифологии главный герой носит имя Вяйнемейнен. Это финское воспроизведение индоевропейского словосочетания «Ваня-муж». Вяйнемейнен – культурный герой и демиург, мудрый старец, чародей и кудесник. Он обитатель первичного Мирового океана: на его колене, торчащем из воды, птица снесла яйцо, из которого Вяйнемейнен заклинаниями сотворил мир. Вяйнемейнен создал скалы, рифы, выкопал рыбные ямы и т. д. Он добыл огонь из чрева огненной рыбы (лосося), изготовив первую сеть для рыбной ловли. Вяйнемейнен

– еще один «двойник» русского Ивана. Не удивительно поэтому, что финский миф творения схож с египетским, с той лишь разницей, что роль столба-обелиска в нем играет колено демиурга. Народный эпос доносит до нас историю взаимоотношений финнов с арийским племенем ванов (венетов), представителем которого выступает Вяйнемейнен. Мощная переселенческая волна венетов, захватив Поднепровье, докатилась до Балтики. Они раньше финнов освоили берега Балтийского моря, поэтому Вяйнемейнен назван создателем того северного мира, куда вступили финны. Венеды умели ужиться с другими народами. Они охотно делились своими знаниями и научили финских охотников искусным приемам рыболовства, новым способам получения и хранения огня. Вяйнемейнен – старший «брат» финских богатырей, он поддерживает и наставляет их. Когда же те подросли и окрепли настолько, что захотели изменить порядки в стране на свой лад, мудрый воин не стал мешать им. Он сел в лодку и отплыл из финской земли. Куда же лежал путь Вяйнемейнена?

Географические названия, связанные с именем венедов, обнаруживаются не только на территории скандинавских и прибалтийских государств, но и в Голландии и на Британских островах. Название Ирландия означает буквально «земля Яра». Малоазийские венеты накопили колоссальный опыт плавания по Черному и Средиземному морям. Он чрезвычайно пригодился их потомкам, пришедшим на берега Балтики. Пришельцы не только колонизовали земли Скандинавии, но и осуществили первые морские походы вдоль северного побережья Европы. Античным авторам было хорошо известно жившее на территории современной Бретани (северо-запад Франции) племя знаменитых мореходов-венетов. По сообщению Юлия Цезаря, это племя «пользуется наибольшим влиянием по всему морскому побережью, так как венеты располагают самым большим числом кораблей, на которых они ходят в Британию, а также превосходят остальных галлов знанием морского дела и опытностью в нем. При сильном и не встречающем себе преград морском прибое и при малом количестве гаваней, которые, вдобавок, находятся именно в руках венетов, они сделали своими данниками всех плавающих по этому морю» (Записки Юлия Цезаря). Бретанские венеты поддерживали связи со своими более южными сородичами. Они доставляли в Средиземноморье олово с Британских островов, и порты адриатических венетов были их естественным местом стоянки.

О балтийских энетах, добывающих янтарь, упоминает целый ряд античных авторов. Самое раннее свидетельство следует приписать Гесиоду (VII в. до н. э.). К этому времени венеды не только обжили берега Балтийского моря, но и проложили торговые маршруты на юг. Главный янтарный путь проходил по Висле, затем вверх по Дунаю и его притокам, потом по притокам и самой реке По, и завершался в ее устье, в земле адриатических венетов. Итак, вытесненные из Малой Азии венеты в течение следующего полутысячелетия прочно обосновались в Поднепровье, на севере Италии, в Прибалтике и Бретани. Некогда единый народ раскололся по меньшей мере на четыре части. Собраться вместе им суждено было много позднее. Центром притяжения стала днепровско-причерноморская группа венетов-ариев.

Геродот (V в. до н. э.) записал, что племена скифов-земледельцев, обитавших в Среднем Поднепровье, назывались борисфенитами. В этом имени соединились названия двух племен. Борисы в переводе с греческого означают «люди севера». Птолемей (II в. до н. э.) упоминает их как борусков, а русские летописи называют северянами. Логично считать, что борисы – древние русичи, потомки ариев, жившие к северу от греков. Вторая часть слова – фениты – искаженное венеты. Малоазийское племя венетов, пришедшее на землю борисов, объединилось с ними в единый союз. Наиболее полнокровным историческим центром земледельческой культуры этого союза «была довольно широкая (в три дня пути) полоса правобережья (Днепра-Борисфена. – А. А.), почти полностью совпадающая с ядром «Русской земли» VI–VII вв. н. э.» (Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси).

Племена венетов располагались практически в разных концах Европы, и каждое из них в одиночку сражалось со своими врагами. Во II в. до н. э. в Поднепровье вторглись сарматские племена, пришедшие с низовий Дона. Часть скифов-пахарей (борисфенитов) под их натиском ушла на север, в зону лесов, другая же отступила за Днестр и Дунай. Там венеты сохранили свою государственную самостоятельность, что зафиксировано античными историками.

В начале н. э. самой мощной силой в Европе была Римская империя. Она «проглотила» адриатических венетов, равно как и восприняла некоторых их богов. В первую очередь, это Венера – богиня плодородия и любовной страсти. Она отождествляется с арийской Астартой и является женской параллелью Вани. Имя ее сына Амура (латинское Amor) восходит к корню «мор», оно перекликается с названием арийского племени амореев (амурри). Один из древнейших богов Италии и Рима Марс – не кто иной, как наш Мороз. Римляне враждовали и воевали с потомками ариев – венетами – и называли их варварами (вандалы – те же венеда), хотя и пользовались их «плодами» культуры!

Под руководством Цезаря войска Рима выиграла войну с бретанскими венетами, которые частично рассеялись и осели на Британских островах, но в большей своей массе стали пробиваться к землям своих балтийских соплеменников. В пользу такого развития событий говорит то, что у англичан до сих пор распространено имя Рос, а у русских в ходу было старинное имя Британий (житель Британских островов).

Британские и балтийские венеты (другая форма их имени – венеда) жили в непосредственном соседстве с германскими племенами. Немцы, как известно, называют нас «рус», «русиш», но не росами. Если форма «рос» унаследована нами от греков, то имя «рус» пришло с севера. Оно родилось в результате венеда-германского диалога. Британские венеты, продвигаясь через земли германцев, восприняли ее как один из вариантов своего имени и принесли его в Прибалтику, а впоследствии и на берега Днепра.

Знаменитая Певтингерова таблица (дорожная карта, относящаяся к первым векам н. э.; названа так по имени владельца) удостоверяет, что в начале I тыс. венеда сосредоточились в двух центрах: в Северо-Западном Причерноморье и на Балтике. О балтийских венедах упоминают Плиний, Тацит (оба жили в I в. н. э.), Птолемей (II в. н. э.). Согласно Тациту, венеда «...скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой скоростью; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозках и на коне». С другой стороны, на Певтингеровой карте они поименованы как «венеда-сарматы», что подчеркивает их негерманское происхождение. Еще в прошлом веке была высказана точка зрения, что прибалтийские венеда – славяне. Но они пришли на берега Балтийского моря лишь в VI веке. К тому же позднее название Балтийского моря как Венетского закрепляется лишь за одной его частью – Рижским заливом, то есть опять-таки областью, куда славяне не доходили. А Венетским эту морскую акваторию называют и авторы XVI века Олаус Магнус и Герберштейн. Итак, венетов нельзя отождествлять и со славянами. Они древние русы (росы)!

Ванами в скандинавской мифологии называется группа богов плодородия, связанных с аграрными культурами, наделенных магическим и пророческим даром и священным миролюбием. Они противостоят другой группе богов – асам во главе с Одином. Вместе они образуют высший пантеон скандинавских божеств, который сложился в результате их войны, точнее, как итог ассимиляции асами ванов. Своим именем ваны напоминают нам о русском Ване и венедах. Мифы северных народов сохранили свидетельство о присутствии наших предков на их землях, и во многом их символические образы даже симпатичнее асов.

Славяне, пришедшие на берега Балтики и принятые венедами как свои кровные родственники, восприняли культ бога Ивана и стали называть его Свентовитом.

В западославянской мифологии он стал богом богов, высшим божеством, связанным с войной и победами; его атрибутами были меч, знамя, копьё и боевые знаки, изображавшие орла. Идол Свентовита имел четыре головы, что заставляет вспомнить о Фанете. Оба эти имени связаны с названием племени венетов, причем слово Свентовит = Се-венто-вит имеет трехчленную структуру. Последняя часть заимствована из латинского языка и означает «жизнь». Это слово вошло в жизнь славян, когда они входили в состав Римской империи. Вспомогательное слово «сё» имеет значения «сей, вот, это, сие есть», которые никак не влияют на смысл слова, к которому пристраиваются. Аналогом этой «приставки» в английском языке служит определенный артикль «the». В ряде слов русского языка отбрасывание начальной «с» практически не изменяет их смысла: например, смерть, свалка, сделка. Ранее мы уже применяли схожий прием расшифровки при анализе имени бога Астарота или реки Истр, где в качестве вспомогательных слов выступало арийское «асте» и латинское «ист», переводимые одинаково словом «есть». Что же касается Свентовита, то он символизирует жизненную силу племени венетов и в этой своей основополагающей функции полностью тождественен русскому Яру. Со временем славяне стали называть Свентовита более понятными для них именами Световида и Святовита. Точно так же народ венетов «превратился» в письменных источниках в вятичей.

Черноморских венедов Певтингерова карта помещает юго-восточнее Карпат, в междуречье Дуная и Днестра. Ранее сведения об этой группе венедов не привлекали внимания исследователей, поскольку отсутствовали археологические доказательства их пребывания на этой территории. Но в настоящее время можно считать, что венеды в низовьях Дуная обрели археологическую плоть. Этих венедов естественно связать с теми борисфенитами, кто отступил под натиском сарматов в Подунавье. Историкам раннего Средневековья они известны под именем антов, народа «бесчисленного и храбрейшего» (Маврикий, VI в.). В IV–VI вв. анты восстановили контроль над Поднепровьем и северным побережьем Азовского моря. Но в то же самое время, на той же самой территории отмечено присутствие «народа рос» (росомонов)! Ранее мы уже указали на мифологическую связь имен антов и росов. Теперь она обрела историческое содержание.

Анты (они же росомоны) составили первичное ядро Киевской Руси. Иногда их называют еще Причерноморской Русью. В VI–VIII вв. их союз усилили славянские племена, переселившиеся из Центральной Европы, а еще позже и балтийские венеды, которых летопись называет варяги-русь. Приход потомков Рюрика в Киев знаменовал воссоединение южной и северной ветвей русского народа. Образование Древнерусского государства венчает второй период русской истории. Раскол венетского (прарусского) этноса, произошедший в результате гибели государства Арсавы, был преодолен. Венеты воссоединились на земле прародины их далеких предков – ариев (проторусов). Следующий, третий, этап нашей истории включает уже, собственно, историю государства Российского, от первых Рюриковичей до наших дней. Это время возрожденной Русены-Арсавы – державы, которая по праву унаследовала славу древних росов – ариев, антов и венетов.

Глава 6

Белбог, Купала и Сивка-Бурка

*Ушел далеко Черный Див
Перед Дажьбожьими сынами,
Им, чадам света, уступив
Свое господство над степями!
И Солнца русые сыны
Пришли – и степь глядит уж
садом...
Там зреют жатвы; убраны
Там холмы синим виноградом...*

А Майков. Стрибожьи внуки

Западноевропейский автор XII в. Гельмгольд записал, что славяне поклонялись двум главным богам: «От одного ожидали они счастья, от другого – бедствий». Первого они называли Белбогом, а последнего – Чернобогом. Уцелевшие географические названия (например, Белград, Белгород, Беловежская Пуща, Черногория, Чернигов) и народные предания свидетельствуют, что верование в этих богов было некогда общим у всех славянских и, в том числе, русских племен.

О древнем Белбоге сохранилась живая память в белорусском предании о Белуне, который представляется старцем с длинной белой бородой, в белой одежде и с посохом в руках; он является только днем и путников, заблудившихся в дремучем лесу, выводит на настоящую дорогу; есть даже поговорка: «Темно в лесу без Белуна». Его почитают подателем богатства и плодородия. Во время жатвы Белун присутствует на нивах и помогает жнецам в их работе. Чаще всего он показывается в колосистой ржи с сумою денег на носу, манит какого-нибудь бедняка рукою и просит утереть себе нос; когда тот исполнит его просьбу, из сумы посыплются деньги, а Белун исчезает. Это рассыпание Белуном богатств основывается на древнейшем представлении солнечного света золотом.

В русском языке прилагательное «белый» употребляется в смысле светлый, чистый, незамаранный, незапятнанный. Некоторые известные словосочетания еще более расширяют круг связанных с ним ассоциаций. Белым днем называют Божий день, белой землей, белым местом – церковную землю, белыми крестьянами – свободных от податей и повинностей, а белым грибом – лучший из грибов. Выражение бел-свет означает «вся земля и все наши люди». Все эти значения как нельзя более кстати подходят в качестве характеристик верховного бога, поэтому мы должны признать имя Бел славянским по происхождению.

Геродот сообщает, что ранее Эллада называлась Пеласгия. Это название родилось от греческого словосочетания «Bhloz-gaia», что означает «земля Бела». Пеласги говорили на варварском наречии. Они оказали влияние на эллинов, позаимствовавших у пеласгов некоторых богов. Одним из них был бог Бел, которого греки стали называть Гелий (Гелиос). Это очень древнее доолимпийское божество, культ которого принесли в Грецию предки русских и славян – пеласги. Согласно греческим мифам, у Гелиоса во владении было множество стад, которые он держал в самых разных уголках Греции и даже на Сицилии. Лучшее из священных стад находилось на острове Эритеи (божественной Яры), что также указывает на арийские корни этого божества. При разделе земель, устроенном Зевсом, – верховным богом греков, Гелиосу достался лишь единственный остров Родос (у юго-западного побережья Малой Азии), названный так в честь его жены Роды. Ее имя очень близко и понятно

всякому русскому человеку и, очевидно, заимствовано греками у наших предков. Имя тещи Гелиоса – Левкодея, что значит «Белая богиня» (женская параллель Бела): вот и еще одна «ниточка», связывающая греческого и русского богов. По легенде, один из сыновей Гелиоса основал в Египте город Гелиополь и был первым, кто обучил египтян астрологии. Арийским Гелиополем был знаменитый город Белой в Скифии. Оба названия нам известны в греческой транскрипции. Но истинные их имена совпадают и звучат не иначе как Бел-город.

Пеласги – союзники троянцев, Гомер упоминает их при перечислении защитников города:

Гиппофоой предводил племена копьеборных пеласгов,
Тех, что в Ларисе бугристой, по тучным полям обитали;
Гиппофоой предводил их и Пилей, Ареева отрасль,
Оба сына пеласгийского Лефа, Тевталова сына.

Один из предводителей пеласгов назван потомком Арея (Ареса). Этот бог входил в олимпийский пантеон, но для греков слыл чужаком, родиной его была Фракия – земля варваров (по представлениям греков). Арес является еще одним воплощением Яра, греки (так же как хетты и семиты) переделали его в бога войны, так как враждовали с ариями. После Троянской войны (в 1190-х или 1180-х гг. до н. э.) пеласги проникают в Палестину (обязанную им своим именем). В Библии они упоминаются как филистимляне.

Бог Бел был известен народам Месопотамии. В аккадской мифологии его имя использовалось в качестве эпитета богов, но после завоевания Вавилона касситами (начало XV в. до н. э.) применялось только в отношении Мардука. Отождествление главного бога города с Белом в период утраты амореями (ариями) ключевых позиций в Двуречье выглядит очень символично: объединились боги, «пришедшие» на эти земли вместе с предками русских и славян. В настоящее время большинство ученых-мифологов отстаивает версию о семитских корнях месопотамского Бела. Его имя они производят от общесемитского Балу, что значит «господин», «владыка». Но в том-то и дело, что в момент зарождения культа Бела господами в Двуречье являлись пришельцы-северяне. Впоследствии вместе с падением влияния ариев изменилось и отношение к этому богу. Его имя прилагали к чуждому для местных семитских племен Мардуку-Марту – богу амореев (супругой последнего была Белет-цери – царица Бела, женская параллель бога Бела). И еще: представители арийских племен были светловолосы, поэтому образ Белбога ассоциируется скорее с ними, чем с черноволосыми семитами.

В западносемитской мифологии Балу (Бел) – бог бури, грома и молний, дождя и связанного с ним плодородия. Балу именуется богатырем, сильнейшим из героев, скачущим на облаке, князем Вельзевулом. Михаил Булгаков представлял его так: «И, наконец, Воланд летел тоже в своем настоящем обличье. Маргарита не могла бы сказать, из чего сделан повод его коня, и думала, что возможно, это лунные цепочки, и самый конь – только глыба мрака, и грива этого коня – туча, а шпоры всадника – белые пятна звезд». Известны изображения Вельзевула в облике быка (символ плодородия) или воина, поражающего землю молнией-копьем. Он живет на горе, называемой «северная». Это еще одно указание на то, что культ Бела пришел к семитам с севера. Одна из сохранившихся форм написания имени Вельзевул – Beelzebub – читается как Велес-бог. Она подсказывает, что слово Велес родилось как вариант произношения имени Бел другими народами. Впоследствии обе формы стали существовать как независимые, более того, во времена Киевской Руси предпочтение было отдано более поздней по происхождению. Вот почему мы практически не имеем свидетельств почитания Белбога древними русичами. Славу и значение Бела перенял Велес, бог всей Руси. В договорах с греками Велес соотнесен с золотом, чем, безусловно, напоминает

Белуна. Хетты в своей переписке называли Трою Вилусией – городом Велеса или Белгородом. Семиты Троей никогда не владели и не могли так назвать город. Это еще раз подтверждает то, что Бел – божество славянское, а его культ пришел в Месопотамию через Балканы и Малую Азию.

Современные филологи не в силах разгадать этимологию слова «дьявол». Но и в данном случае был задействован корень «бел». Исходная русская форма «Дий-Бел» («Божественный Бел») у семитов превратилась в Дьявола, а у греков в Диаболоса. С победой христианства эти языческие боги (воплощения Бела) были отнесены к представителям ада и покровителям мрачных и темных сил. И точно так же, как в случае с Велесом, в нашем языке утвердилась не исходная русская первооснова имен, а чужеродная. Согласно Библии, Вельзевул – бог филистимлян, но его имя в греческом написании читается как Велес-бог. Опять подтверждается присутствие русских в древней Палестине! Другой пример: Велиар – демоническое существо в христианской и иудаистической мифологиях. Смысл его имени для ученых неясен. В Ветхом Завете оно употребляется для обозначения чуждых богов. И это совсем не удивительно для нас, ибо Велиар – это Белояр (Бел ярый) или Бел-арий, бог древних русов, мигрировавших в Палестину.

Малоазийский полуостров считается родиной Ки-Белы – женской ипостаси Бела. Приставка «ки» здесь употребляется в смысле «великая, божественная» (она совпадает с именем неолитического бога индоевропейцев). Кибела близка по своим функциям с богиней Реей и отождествлялась с ней. Она – владичица гор, лесов и зверей, символ неиссякаемого плодородия Природы. Кибела носила также имя Великая мать богов. Учитывая это, можно истолковать ее имя и несколько по-иному: в первой части видеть искаженное воспроизведение имени Геи, а вторая – эпитет к нему. В таком прочтении Кибела значит белая (светлая) Мать мира. Обе версии, как видим, дают очень близкие толкования имени и вряд ли могут конкурировать. По такой же схеме образовано и имя бога огня шумерской мифологии Гибилла, он – одна из параллелей Бела. Значение его имени легко поймет любой русский человек – это гибель.

Кибела требовала от своих служителей полного подчинения ей, забвения себя в безумном восторге и экстазе, когда они наносили друг другу кровавые раны, или когда неофиты оскопляли себя во имя Великой богини. Все они назывались куретами, мы уже говорили об этом слове как о безусловно русском. Теперь же стоит добавить, что сохранившийся в отечественном уголовном жаргоне смысл прозвища «петух» (т. е. используемый в качестве женщины) объясняет одну из их непрременных обязанностей. В этом смысле Кибела родственна нашей Костроме – матери кастрата Кострубоньки (отрубившего «кость»). Его аналоги в Греции – спартанцы (Спарта была одним из крупнейших центров гомосексуализма в Средиземноморье) братья-близнецы Кастор и Полидевк («Полудевка»). И еще одна параллель с нашей традицией. Кибалою русские называли холщовую шапочку, которую носят замужние женщины под платком. Фасмер, автор наиболее уважаемого специалистами «Этимологического словаря русского языка», оставляет это слово без комментария, называя его темным. Но оно соотносится с Кибелой! Богиня всегда появлялась в зубчатой в виде башни короне (вот вам шапочка на голове), и у нее был единственный возлюбленный (как у замужней женщины) по имени Аттис, в котором любой индоевропеец узнает слово «отец». Любовь Кибелы и Аттиса символизировала семейный союз. Вместе с переселенцами из Малой Азии и в ходе греческой колонизации Северного Причерноморья культ Кибелы пришел на территорию современной России, где она стала называться... Купала.

В восточнославянской мифологии Купала – главный персонаж праздника летнего солнцестояния (в ночь на Ивана Купалу). Купалою называли куклу или чучело (женщины или мужчины – сравни такую же куклу Костромы), которое в белорусских ритуалах именовали также Марой. Во время праздника куклу топят в воде (купают!) и, поскольку название

данного ритуала созвучно имени Кибелы, богиню стали величать более понятным словом Купала. Но на этом история переименований не заканчивается! Дело в том, что мужская форма имени Купала – Купало – породила, в свою очередь, имя... Аполлон (это впервые обосновал писатель Ю.Д. Петухов).

Остановимся на время, ибо мы невольно решили, может быть, одну из наиболее сложных загадок греческой мифологии – разгадали тайну имени Аполлона. В энциклопедии «Мифы народов мира» говорится: «Данные греческого языка не позволяют раскрыть этимологию имени Аполлон». Оно рождалось в другой языковой атмосфере. Согласно нашей версии, рождение имени Аполлона можно представить так:

БЕЛ → КИБЕЛА → КУПАЛА (КУПАЛО) → АПОЛЛОН

Эллинам были известны Бел, Кибела и Аполлон, русским же Бел, Купала и Аполлон. Трансформация Кибела – Купала произошла на территории Малой Азии, где в середине II тыс. до н. э. смешались варварские (арийские), греческие, хеттские и другие наречия. В хеттских текстах фигурирует страна Хапала (читай Купала!), которая включалась в собирательное понятие стран Арсава. С другой стороны, античные авторы сообщают, что на тех же самых землях существовал культ Кибелы. Арии, покидавшие Малую Азию после падения Трои, сохранили образ Купала и донесли его до своей северной прародины. Греки восприняли и тоже сохранили его культ, но назвали на свой лад Аполлоном. Со временем эти мифологические персонажи стали рассматриваться уже как независимые. Но греки никогда не забывали, что он – чужак, по-гречески его имя означает «губитель» (почти что Гибил!), и именно Аполлон выступает главным защитником троянцев перед олимпийцами в «Илиаде». Среди малоазийских ариев жили обе формы имени – и Купала, и Аполлон – своя родная и грецизированная. Последняя послужила основой для древнего названия Польши – (А)Полонии и этнонима племени полян, «иже зовущихся русь», пришедших на берега Днепра тропой Трояновой.

Греки устойчиво связывали Аполлона с гиперборейцами – народом, живущим за Бореем, на Крайнем Севере. Античные авторы говорили о них как о «жрецах» или «слугах» Аполлона. Среди них более всего любил пребывать лучезарный бог. Туда он отправлялся на колеснице, запряженной лебедями, но в урочное время летней жары он неизменно возвращался в свое святилище в Дельфах. Так же как и Аполлон, гиперборейцы художественно одарены. Их жизнь сопровождается песнями, танцами, музыкой и пирами; вечное веселье – отличительная черта этого народа. Особенно интересными являются сообщения Плиния и Диодора о том, что гиперборейцы живут там, где день и ночь длятся по шесть месяцев. Эти сведения напрямую перекликаются с фактом наблюдения природных явлений Заполярья древними ариями, зафиксированном в «Ведах» и «Авесте». Удивительное дело: родиной Аполлона следует считать Малую Азию, но его устойчиво соотносили с Крайним Севером. Почему же это происходило? Да потому, что образ Аполлона занял место истинно северного Белбога!

Мудрецы и служители Аполлона Абарис и Аристей, обучавшие греков, считались выходцами из страны гиперборейцев. Эти герои считались земными воплощениями Аполлона, так как они владеют древними фетишистскими символами бога (стрелой, вороном и лавром Аполлона с их чудодейственной силой), а также обучают и наделяют людей новыми культурными ценностями (музыкой, философией, искусством создания поэм, гимнов, строительства Дельфийского храма). Имя А-барис – это полная форма имени Борис (сравни Лена – Алена, Катя – Екатерина, Мосей – Амос), первая «а» здесь подобна неопределенному артиклю в английском языке. Но Борис – имя чисто славянское, в греческом языке оно соотносится с понятием «севера» – родины гиперборейцев. Еще более прозрачен смысл имени

Аристей – «есть Арий» или истинный ариец. По утверждению Павсания, Дельфийское святилище было основано гиперборейцами, к которым причисляется и известный певец Аполлона Олей, то есть Олень (!):

Также Оден: он первым пророком был вещего Феба,
Первый, песни который составил из древних напевов.

Феб – это эпитет Аполлона, по-гречески он значит «чистый», «блистающий». Ко всему этому нелишне добавить, что имя сестры-близнеца Аполлона Артемиды можно перевести с греческого как «славящая Яра». Другими словами, это Ярослав – еще одно воплощение Великой богини Яры-Реи. Таким образом, гиперборейцы – это арии, предки русских.

Север в мифах гиперборейского круга понимался очень неопределенно. Плиний помещает гиперборейцев в Северной Франции или Британии. Для Греции это уже северо-запад. А, кроме того, если двигаться на восток или на юг, то и здесь мы найдем местности, трактованные в Античности как гиперборейские. Птолемей называет Северный океан Гиперборейским. Точно так же и горы около северного острова Фула (не то Исландия, не то Ирландия, не то Скандинавия) назывались Гиперборейскими. Гелланик помещал гиперборейцев «за Рипейскими горами». Что такое Рипейские горы, установить трудно, потому что их помещали и на Крайнем Севере, и на западе и отождествляли с Альпами. Один из вариантов их местонахождения – западные отроги Урала. На первый взгляд кажется, что древние авторы по неведению фантазировали и писали по принципу, кому что бог на душу положит. Собственно, историки так и относятся к этим данным. Однако они отражают реальный исторический процесс! Арии, начиная приблизительно с IV тыс. до н. э., с территории своей прародины, которая действительно «упиралась» на западе в Уральские горы, стали продвигаться на запад. В III–II тыс. до н. э. они активно расселялись в Западной и Северной Европе – благо что свободных земель в то время еще хватало. После поражения в Троянской войне малоазийские арии мигрировали большей частью не наугад, а искали спасения и помощи у своих соплеменников. Вот почему венеты оказались и в Бретани, и на Балтике, и на Днепре. Античные писатели ничего не выдумывали, потомки гиперборейцев расселились по городам и весям Северной и Северно-Западной Европы. До них действительно было непросто добраться, и потому доходящие сведения нельзя было проверить. Но они были подлинными!

«Миф о гиперборейцах мог появиться только в период производящего, а отнюдь не просто собирательски-охотничьего хозяйства, т. е. в период неолита, или, что то же, в период наивысшего расцвета матриархата и начала его падения. Однако хронология гиперборейцев должна быть несколько расширена. Дело в том, что гиперборейство, особенно вначале, отнюдь не было идеалом в каком-нибудь духовном смысле. Как ни далеко помещались эти гиперборейцы от обычных центров тогдашнего человеческого общежития, все же они мыслились совершенно определенным народом в той или иной, но всегда определенной местности тогдашней земли. Их идеальность относилась только к их обеспеченному образу жизни, но они мыслились существующими вполне реально» (*Лосев А. Ф.* Мифология греков и римлян). Это убедительно доказывают данные современной археологии. В IV–III тыс. до н. э. от Приуралья до Днепра и Днестра распространилась так называемая ямная культура. Ее создатели добывали металлы и производили изделия из них в кузницах Урала и Кавказа. Города ямной культуры имели сложные оборонительные системы со рвами и стенами из каменных плит толщиной более 3 метров. Строились дома с площадью более 150 кв. м из нескольких комнат. В каждом из таких домов проживало 40–50 человек. Некоторые города имели по два обвода стен, как найденный под Челябинском Аркаим. Там же при раскопках обнаружены богатые погребения знати – с оружием, украшениями и боевыми колесницами, жертвоприношениями коней, быков и баранов. «Ямники» строили гигантские курганы над

склепами покойных: к примеру, размеры одного из них – диаметр 110 м, а высота 3,5 м. Эта культура была создана ариями, отсюда же они и начали свое уникальное расселение по планете. Об ариях-трипольцах, которые мигрировали в Средиземноморье и Месопотамию, мы уже говорили. Но была и другая мощная волна переселения ариев, дошедшая до берегов Британии. Именно выходцы с Приуралья и юга России насыпали в Англии круглые курганы, именно они принесли кельтским народам (другой ветви индоевропейцев) культ бога Бела, которого те называли Беленосом. Наконец, именно они руководили постройкой «британского Аркаима» – Стоунхенджа.

Аркаим – город-храм, построенный в виде зодиакальной карты неба и, как показали археологические находки, являвшийся древнейшей обсерваторией. Его структура аналогична Стоунхенджу. Точнее, Стоунхендж, видимо, является более поздней копией Аркаима. Оба объекта находятся примерно на одной параллели: Стоунхенджу соответствует 51 ° северной широты, а Аркаиму – 52° северной широты. Если двигаться на восток от него, то на 52-й параллели на Алтае обнаружим курган Аржан, устроенный по тем же принципам, что уральская и британская обсерватории. На западе, на знаменитом Куликовом поле, тоже найдены остатки древней обсерватории; следы древних святилищ по типу Стоунхенджа и Аркаима обнаружены в Польше на горе Шленза и в Нидерландах. Похоже, что линия, соединяющая Аркаим и Стоунхендж, определяет путь распространения арийской цивилизации на запад. Ведь не случайно же греческий миф рассказывает, что сын Гелиоса-Бела обучил египтян астрономии, а Аполлон летал в Гиперборею каждые 19 лет (знаменитый Метонов цикл, положенный в основу лунного календаря). Вблизи выделенной параллели или чуть ниже лежат следующие города, которые можно соотнести с именем Борисов-северян: Брест (росс.), Варшава, Брюссель, Париж, Брест (франц.), Бристоль. Думается, что они обозначают основной маршрут продвижения ариев-гиперборейцев в Западную Европу.

Но продолжим разговор о «двойниках» Бела. Прилагательному «белый» в русском языке близки понятия «ясный, сивый». Как эпитеты, родственные ему, они также породили названия богов. О тождественности критского Иасиона и нашего Усеня мы уже говорили, сейчас же самое время сказать, что оба они связаны со словом «ясный»: именно таким и должен представляться верховный бог, блещущий и молниями во гневе, и солнечным светом; другое имя этого бога – Световит – прекрасно знакомо славянам. Еще более впечатляющий ряд образов дает второй «синоним». В первую очередь вспоминается богиня Жива – главное женское божество полабских славян (поляки называли ее Зивие), она воплощала жизненную силу и противостояла смерти. Но это, как говорится, цветочки. Богиня с точно таким же именем – Зивиа – была известна и микенским грекам, жившим во II тыс. до н. э. Они мыслили ее матерью мира и величали Ма-Зивиа (Мать-Жива). Прямое заимствование! Однако настоящее потрясение впереди. Мужской параллелью богини Зивии является... Зевс! Да-да, имя верховного божества древних эллинов, главы олимпийской семьи богов, безусловно, славянского происхождения. Эта идея стала основой романа Ю.Д. Петухова «Громовержец. Битва титанов».

Еще один потомок бога Бела – Беленое из кельтской мифологии – обнаруживается в Галлии (территория современных Франции, Западной Швейцарии и Бельгии). Это еще одно направление движения ариев. Бельгия – буквально значит «земля Бела». Здесь на рубеже нашей эры проживало арийское племя бельгов. Страбон специально оговаривает, что они не были кельтами, и включает бретанских венетов в число их ближайших союзников. Венеты и бельги колонизовали Британские острова: от имени бога Бела (по-латински «белый» – «*albus*») происходит их древнее название – Альбион. Юлий Цезарь писал, что бельги занимают третью часть Галлии и являются самыми храбрыми среди ее жителей, так как «живут дальше всех других от Провинции с ее культурной и просвещенной жизнью; кроме того, у них крайне редко бывают купцы, особенно с такими вещами, которые влекут за собою изне-

женность духа; наконец, они живут в ближайшем соседстве с зарейскими германцами, с которыми ведут непрерывные войны» (*Юлий Цезарь*. Галльская война). Сообщение Цезаря внутренне противоречиво. Действительно, как можно думать о комфорте и уюте, торговать и жить «культурной и просвещенной жизнью», если постоянно воюешь. Причем сражались бельги не только с германцами, но и с римлянами. И те выделяли их среди своих врагов: богиней войны в римской мифологии была Беллона. С I в. н. э. (после завоевания Цезарем Галлии) Беллона была отождествлена с малоазийской богиней Ма (Мамой или Кибелой!) и культ ее принял разнузданный, откровенно эротический характер. Служители Беллоны вербовались из чужеземцев. Жрецы богини назывались беллонарии (беллоны-арии!). Они имели в качестве атрибутов двойные секиры. Такое оружие напоминает одновременно и критские двойные топоры, и русскую секиру – даже в таких «мелочах» обнаруживается несомненная связь между Россией и родиной Зевса.

На греческой почве память о Зивии – Живе воплотилась в образе сивилл – вещей дев, открывающих будущее. Самая знаменитая из них носила имя Герофила, что является греческой «калькой» с русского словосочетания Яролюба (т. е. любящая Яра). В скандинавской мифологии Жива известна как Сив – богиня, обладающая чудесными золотыми волосами (символ плодородия), жена громовержца Тора. Цвет ее волос отражает одно из значений ее славянского имени. У славян также известна богиня Сива, хурриты называли ее Шавушка. Мужскими параллелями этих богинь следует признать библейского Саваофа, индуистского Шиву, славянского бога огня Сварога, хеттского бога дневного света Сивата и богов солнца – древнеиндийского Савитара, хеттского и урартского Сивини.

Но самым древним божеством этого ряда является все же вещей конь Сивка-Бурка из русских сказок. Он понимает дела людей (богов и бесов), говорит человеческим языком и различает добро и зло. В.Н. Демин очень интересно заметил, что прозвище коня Бурка раньше звучало как Бурька. А если взглянуть на его истоки, то обнаруживаются явственные следы не только бури, но и Борея. Обратившись темногривым жеребцом, этот покровитель Севера однажды оплодотворил дюжину кобылиц и стал отцом двенадцати чудесных жеребят, которые могли летать над землей и над морями. Про них Гомер написал в «Илиаде» (XX, 220–230):

Бурные, если они по полям хлебородным скакали,
Выше земли, сверх колосьев носились, стебля не смявши;
Если ж скакали они по хребтам беспредельного моря,
Выше воды, сверх валов рассыпавшихся, быстро летали.

Точно так же описывается полет волшебных коней в русском и славянском фольклоре, где прозываются они Сивками-Бурками, Бурушками-косматушкам и, что в конечном счете значит Бурьки-Борейки. Все они – дети бога Борея. Связь с бурей и ветром указывает на глубочайшую древность образа Сивки, он старше Сива, Зевса и иже с ними. Но по Диодору Сицилийскому, потомки Борея были владыками (царями) главного города Гиперборейи и хранителями сферического храма – святилища Аполлона. Мы опять приходим к выводу, что Русский Север был средоточием гиперборейцев.

Удивительна по своей широте (и долготе!) картина распространения имен богов с корневой основой «сив». Ее центр – Русская равнина, а дороги идут в самых разных направлениях: Скандинавия (там страна Сива – Швеция), Средиземноморье, Кавказ, Индия. От этого же корня произошли слова север (исходная форма «сивер») и Сибирь, а это уже значит, что следы ариев обнаружатся и к востоку от Урала. Но не будем спешить.

Глава 7 Коляда и Лихо

*Стоят три терема златоверхие:
В первом терему – млад светел
Месяц,
Во втором терему – красное
Солнышко,
В третьем терему – часты
звездочки.
Светел Месяц – то хозяин в дому,
Красно Солнышко – то хозяйюшка,
Часты звездочки – малы детушки.*

Северная колядка

Коляда – солнце-младенец, в славянской мифологии – воплощение новогоднего цикла, а также персонаж праздников. Коляда праздновалась в зимние Святки с 25 декабря (поворот солнца на весну) по 6 января. Когда-то Коляду воспринимали как одно из влиятельных божеств: не случайно первый день связанных с ней торжеств и гуляний приходится в христианстве на день Рождества Христова, а последний – на праздник Богоявления. Коляду кликали, зазывали, посвящали ей предновогодние дни, в ее честь устраивались игрища, учиняемые впоследствии на Святках. Последний патриарший запрет на поклонение Коляде был издан 24 декабря 1684 года. Коляда признавалась божеством веселья, потому-то ее и призывала, кликала в новогодние празднества молодежь. Согласно текстам обрядовых песен, Коляда – персонаж женского рода. Это следствие глубочайшей древности ее культа. По русским народным поверьям, Солнце, возвращаясь из зимы в лето, надевает праздничный сарафан и кокошник, что наглядно свидетельствует о женской принадлежности светила. Одно из древних названий Солнца – Солонь – тоже женского рода. И еще в XVIII – начале XIX в. подмосковные крестьяне наряжали Колядой молодую девушку: надевали ей поверх теплой одежды исподнюю сорочку, обычно белую, и возили в санях по всей округе, распевая колядки.

В святки рядились в животных, чаще всего в козу и медведя. Хождение с козой (символом плодородия) было наиболее распространенным игровым обрядом зимних святок. Обряд колядования предельно прост и не нарушает обычного течения жизни: группа колядующих ходит по дворам, поет заклинания и пожелания всяческих благ каждому дому и собирает съестные пожертвования в общий «мех», которые потом сообща съедаются. Приведем одну из колядок, посвященную хозяину дома:

Коледа, маледа!
Ходила Коледа по святым вечерам.
Зашла Коледа к (имя и отчество) на двор.
У (имя) борода до шелкова пояса.
Дай ему, Господи, доброго здоровья,
Ярицы оденье да пшеницы копну,
Семь лошадей ровно белых лебедей,
Пятьдесят быков, сто коров!

Тетушка, матушка!
Хлебца кусочек,
Лучинки пучочек,
Кокурочку с дырочкой,
Пирожка с начиночкой,
Поросячью ножку
Да жарену лепешку.
Не подашь лепешки —
Разобью окошки.
Не подашь пирога —
Разобью ворота!
(Получивши еще прибавляют:)
Дай им, Господи, всего-то всего!
Одна-то бы корова по ведру доила!
Одна-то кобыла по два воза возила!

Эта песня очень похожа на ту, что мы приводили, говоря об Усене. В сущности, это два очень близких образа, соотносимые с солнцем. На северо-востоке России Коляда так и называется Усенем (Авсенем, Таусенем).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.